

№12
Декабрь 2016

ТРУССКИЙ КЛУБ

ВЕСТЬ О
КНИГЕ ВЕКА
С. 6

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КAVTAPADZE
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№12¹³⁴⁾
Декабрь 2016

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ВЕСТЬ О КНИГЕ ВЕКА
КАМИЛЛА МАРИАМ КОРИНТЭЛИ
- 9 ВЫСШАЯ НАГРАДА НИКОЛАЮ СВЕНТИЦКОМУ
- 10 В ТБИЛИСИ ЦЕНЗУРЫ НЕТ
МАРИЯ МИХАЙЛОВА
- 12 «БУДУЩЕЕ ВСЕ-ТАКИ В РУКАХ ЧЕЛОВЕКА»
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
- 16 «ЛЮДИ ИСКУССТВА ПРОБИВАЮТСЯ К БОГУ»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 20 ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО
- 22 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 28 ЗАПОМНИ ЭТОТ МИГ
НИНА ШАДУРИ
- 30 КОГДА ИГРАЕШЬ КОМУ-ТО ТРЕТЬЕМУ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 33 ШОСТАКОВИЧ-ПУБЛИЦИСТ
МАРИЯ КИРАКОСОВА
- 39 «ТИФЛИС – ГОРОД ВЫСОКОЙ ДУХОВНОСТИ»
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 42 ЧТОБЫ ПОМНИЛИ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 46 ВСЕ СЦЕНОГРАФЫ В ГОСТИ К НАМ
НИНО ЦИТЛАНДЗЕ
- 49 В ТБИЛИСИ ПРОШЕЛ ФЕСТИВАЛЬ СЫРА
- 50 КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКАЯ ДРАГОЦЕННОСТЬ
ТЕЙМУРАЗ АБАШИДЗЕ
- 52 ВЫСТАВКА БЕЗ ХУДОЖНИКА
- 53 МУЗЫКА СОЕДИНЯЕТ СЕРДЦА
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
- 54 ПРОЩАЙТЕ, ГАЙОЗ ВУКОЛОВИЧ!

На обложке – **Давид Монавардисашвили. «Древо жизни»**
Фото **Александра Сватикова**

от ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

ТРАМВАЙ АННУШКА

Под самый Новый год 29 декабря 1911 года в Москве из депо выкатился трамвай нового маршрута «А» – знаменитая «Аннушка». Хотя ничего нового для горожан не произошло – трамваи в Москве появились аж лет за 12 до этого события, еще в 1899 году. Да и конки с линейками и паровиками – паровыми трамваями колесили по московским улицам с семидесятых годов позапрошлого века. А вся Москва со времен конок была буквально опутана рельсовыми путями, оставалось их только электрифицировать. Городская Дума выкупила конку у Первого Бельгийского акционерного общества, закупило за границей трамваи и запустила «электрическую городскую железную дорогу». Но вместо коротких были спроектированы удобные протяженные линейные и кольцевые маршруты. «Аннушка» стала бегать по Бульварному кольцу и Москворецким набережным, а маршрут «Б» – «Букашка» по всему Садовому. Был и маршрут «В» – «Верочка» от Таганки в сторону Кожухова, а «СК» – «Скворушка» объезжал Сокольническое кольцо.

ОСНОВОПОЛОЖНИК АВАНГАРДА

Какие только национальные корни не были у выдающихся деятелей русского искусства! У Пушкина – абиссинские, у Лермонтова шотландские, Тургенев происходил от хана Тургена. Вот и один из основоположников мирового авангарда 20-х годов прошлого века Василий Васильевич Кандинский, которому 16 декабря исполняется 150 лет, был родовитым потомком тунгусских князей и владельцев мансийского Кондинского княжества. Его отец – успешный коммерсант был из нерчинских купцов – бывших каторжан. Он немало поездил по России и странам Европы вместе со своей семьей, пока не осел в Одессе, и у его сына, наконец, появилась возможность получить хорошее образование в гимназии параллельно с углубленными занятиями по музыке и рисованию. Позднее Кандинский блестяще окончил юридический факультет Московского университета, и даже получил предложение занять профессорскую кафедру в Тартуском университете. Но Василий Васильевич отказался – совсем не в юношеском тридцатилетнем возрасте он решил стать художником. Это случилось под влиянием прошедшей в 1895 году в Москве выставки импрессионистов. Он уезжает в Мюнхен и сближается с немецкими экспрессионистами. Там Кандинский много общается и с русскими живописцами – Явленским, Петровым-Водкиным, Добужинским, Билибиным, Грабарем. Будучи хорошим организатором, Василий Васильевич создает одну за другой творческие группы «Фаланга», «Новое мюнхенское художественное объединение» и знаменитого «Синего всадника», куда кроме него и Явленского входили Пауль Клее, Марианна Веревкина и Франц Марк. Но в 1914 году

Кандинский вернулся на родину и пережил все исторические катаклизмы – Первую мировую, революцию и Гражданскую войну. Он сотрудничал с новыми властями, занимался охраной памятников, создавал новые музеи, преподавал во ВХУТЕМАСе, был ученым консультантом, заведующим репродукционной мастерской. Но в 1921 году уехал из России навсегда. Сначала в Германию, где стал преподавателем «Баухауса», продолжал занятия живописью и много выставлялся. Вскоре его признали во всем мире, как одного из виднейших и талантливейших лидеров абстрактного искусства. С приходом к власти нацистов и разгромом «Баухауса», Кандинский уехал во Францию, где и прожил до самой смерти. Официально он считается как русским, так и немецким художником, теоретиком искусства, поэтом и одним из основоположников авангарда первой половины XX века.

ИНЖЕНЕР ИСКУССТВА

Александр Родченко был необычайно разнообразно одаренным человеком – живописец, график, скульптор, художник театра и кино, автор знаменитых авангардистских афиш, и, конечно же, фотограф, оставивший нам портреты великих современников. Совместно с Маяковским Родченко работал в области рекламы советских товаров. Он родился 5 декабря 1891 года в Петербурге в семье бутафора и прачки. Детство и юность провел в Казани, где окончил местное приходское начальное училище. А с 1911 по 1914 год посещал занятия Казанской художественной школы Фешина, где и познако-

мился со своей будущей женой и соратницей Варварой Степановой. И когда мы говорим о шедеврах Родченко – надо помнить, что это их совместное творчество. Степанова была талантливейшим художником-дизайнером, и сейчас не установить, кто из них был автором знаменитых конструктивистских находок. Что ж, выбрать себе жену – это тоже талант. А Родченко, хоть и был нещадно критикуем современниками, как приспособленец, остался в истории ярчайшим представителем советского авангарда, неистощимым выдумщиком новых форм, исследователем неожиданных ракурсов и точек фотосъемки, создателем выразительных фотоколлажей. Подобно своему современнику Ман Рее, Родченко вошел в энциклопедии как выдающийся фотограф первой половины XX века. Весь свой талант и энергию творческий дуэт Родченко-Степанова посвятили политической борьбе и разрушению старого мира, от которого «останутся только папиросы «Ира» – так звучал в 20-х годах рекламный слоган Моссельпрома.

ЮБИЛЕЙ «ИСТОРИОГРАФА ВСЕЯ РУСИ»

Великий русский литератор рубежа XVIII-XIX веков Николай Михайлович Карамзин был не только автором «Бедной Лизы», «Писем русского путешественника» и бессмертного многотомного исторического труда «История государства российского», но и реформатором современного литературного русского языка. Он ввел в наш обиход множество ныне привычных слов: «впечатление», «влияние», «влюбленность», «трогательный», «занимательный», «промышленность», «эпоха», «сцена», «гармония», «катастрофа», «будущность». В основном, это слова-кальки с французского, немецкого, итальянского языков. Карамзин был необычайно успешным литератором и мыслителем, оцененным публикой и обласканным светом и двором. Его очень почитал Александр I, присвоивший ему звание официального историографа и выделивший стипендию, а по-современному грант, в две тысячи рублий в год написание

«Истории государства российского». Подробные биографии Карамзина можно прочитать во многих толстых фолиантах, мы же упомянем только о том, что Николай Михайлович был консерватором и убежденным монархистом. В день восстания на Сенатской площади он стоял в толпе зевак и был настолько потрясен отступничеством декабристов, что заболел тяжелым воспалением легких, которое и свело его в могилу спустя полгода.

МАДАМ «ЯНТАРЬ»

Ее считали ведьмой, которая подобно янтарю заковывает в его толще на века людей и людские души – и они выставлены в залах ее музеев по всему миру и стоят неподвижно, неотличимые от живых на потеху любопытных посетителей. Так говорили суеверные люди о восковых куклах знаменитой мадам Тюссо, которой 12 декабря исполняется 255 лет со дня рождения. Но Мария Гросхольц – так ее звали в девичестве – была всего лишь мастером лепки по воску и одной из последних, кто владел древним искусством сохранения внешности людей, известным еще со времен Рима. Ее мать Анна, оставшись вдовой, вышла замуж за доктора Филиппа Кюртюса. А он прекрасно владел искусством отливать восковые муляжи человеческих органов, которые продавал как наглядные пособия в учебные лаборатории. Но для себя он лепил всевозможные многофигурные батальные сценки – это было его хобби. И юная Мари охотно подключилась к забавам отца, что послужило трамплином для их успешного совместного бизнеса. Вскорости они пере-

брались в Париж и открыли студию по изготовлению восковых скульптурных портретов. Дела пошли на лад. Филипп не мог нарадоваться на падчерицу, оказавшуюся гораздо более талантливой, чем даже он сам. А когда им посчастливилось получить сеанс позирования самого Вольтера за три месяца до его смерти, а потом выставить его фигуру в витрине, они стали известны и самой королевской семье. Мари переехала в Версаль и стала обучать своему ремеслу сестру Луи XVI. Там ее застала революция. Она попала в тюрьму, в одну камеру с Жозефиной Богарне – будущей женой Наполеона. Но революционеры не стали казнить скульптора, а заставили ее делать слепки с голов знаменитых казненных людей. Их можно до сих пор увидеть в Лондоне, куда после того, как все закончилось, переехала Мари Тюссо со своей коллекцией. Страшная подробность – говорят, что волосы у

этих голов подлинные... Сейчас филиалы лондонского музея восковых фигур есть во многих городах мира. Искусство Мари Тюссо не умерло, а напротив, обогатилось новыми возможностями. Над каждой фигурой работают по четыре месяца более двадцати скульпторов – кто-то лепит руки, кто-то лицо. Многие современные знаменитости – артисты, музыканты, политики считают лестным, если их изображения выставляются в этих музеях. Они даже передают свои настоящие костюмы. Хорошо, хоть не волосы... И стоят неподвижные, как «мошки в янтаре».

Католикос-Патриарх Всея Грузии Илия II

Весть о Книге Века

■ Камилла Мариам КОРИНТЭЛИ

Завершился многолетний труд – вышел в свет третий том трилогии «Свет Христов. Грузия». Название третьего тома – «Солнечная ночь. Патриарх». Трилогия – монументальное издание, которое потрясает своей масштабностью – и не только объемом, художественным и техническим оформлением, а главное – необычным содержанием.

Три тома с золотым обрезами в темнокрасном, цвета вина, переплете с золотым тиснением – «Свет Христов. Грузия». Это творение духа и разума человеческого повествует об истории древнейшей христианской цивилизации и уникального культурного наследия синхронно с историей страны, ныне называемой Грузией, а в далеком прошлом известной под названием Иберии, той самой «страны Золотого Руна».

Сегодня, когда во многих странах предпринимаются активные, зачастую успешные

попытки подмены истинных и непреложных ценностей, основ цивилизованного мира псевдо и лже-истинами и определенная часть человеческого общества усиленно пытается срубить ту самую ветку, на которой сидит, – сегодня Книга века «Свет Христов. Грузия», все ее три тома, эти потрясающие фолианты приобретают совершенно особое значение.

Обдумывая эту небольшую «Весть», я обратилась к калбатони Нестан (Елизавета) Киртадзе – автору проекта и главному редактору II и III томов, автору статей, доктору исторических наук, с просьбой рассказать, когда и как началась работа над трилогией. И вот что я услышала:

– Идея создания Книги века принадлежит Католикосу-Патриарху Илие II. Мысль эта зародилась давно. И в один прекрасный день он поделился ею со мной. В течение этой беседы – вернее, я сперва лишь слу-

шала его, – я разволновалась до слез. «Это будет не одна книга, а трилогия», – сказал он. Начиная с глубокой древности, еще с дохристианских времен, когда в Иберию прибыли Апостолы, то есть с периода подготовки Грузии к глубочайшему и важнейшему изменению, по сегодняшний день. И моя миссия – осуществить эту идею. Я плакала. Я была просто потрясена. Не сразу я осознала, что именно хотел Патриарх: он хотел показать синхронный процесс развития духовной и материальной цивилизации Грузии.

Время, когда мы работали с Патриархом, это началось в 2000 году, – было счастливейшим, но и трудным – сомнения в собственных силах порой одолевали меня. Потом я вспомнила об Эрике Ахсахлаяне – опытном специалисте, издателе, который всю жизнь посвятил служению грузинской книге. Менеджер проекта, он внес особый вклад в издание

Трилогии. Вся творческая группа благодарит его за необыкновенную работу над Книгой века, которая восхищает всех. У нас сложилась замечательная команда, которая 16 лет трудилась над созданием Книги века, и, в итоге преодолевая немалые трудности, препятствия, сомнения издание состоялось. Грузия и международное общество получили достоверную историю духовности нашей страны в ее непрерывности, преемственности эпох и поколений, неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего. Долго мучило меня заглавие трилогии. Тогда я с Патриархом работали так: утро – молитва, потом работа, потом трапеза и снова работа. И в одно утро я спросила Патриарха – каково будет заглавие трилогии? «Я точно знаю, что там должно быть слово «Грузия», – сказал Патриарх. – Речь идет о древнейшей христианской цивилизации, которая зародилась в Грузии». Потом он стал на молитву. И произнес такие слова: «Свет Христов просвещает всех...» Так появилось название книги: «Свет Христов. Грузия».

Когда в 2000-м вышел I том, я думала поставить точку. Концепция была такая, что каждый

том мог существовать самостоятельно. Но вскоре удалось продолжить работу и в 2006 году вышел второй том. Оба тома напечатаны в Москве. Спустя 10 лет мы издали третий том. Были различные трудности – и эмоциональные, и финансовые, конечно. Презентация первого тома состоялась в Тбилиси, в Патриархии. Но когда вышел второй том, презентация обоих томов состоялась в Москве, в Храме Христа Спасителя, присутствовал Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, члены правительства Российской Федерации и другие высокопоставленные лица. Позже, будучи в Париже, в штаб-квартире ЮНЕСКО, я передала Генеральному директору раритетную Книгу об уникальной культуре и истории Грузии, и она сейчас занимает там почетное место. Кроме того, я передала ее Московскому, Киевскому, Одесскому, Лувенскому, Сорбоннскому, Колумбийскому и Афинскому университетам. Сам Католикос-Патриарх, Святейший и Блаженнейший Илия II послал ее на Святую гору Синай, в старейшую библиотеку монастыря Святой Екатерины и самолично поднял на Святую Афонскую гору.

Известный немецкий ученый Иост Гипперт и М. Тандашвили – профессор Франкфуртского университета Гете узнали

о Книге века и специально приехали из Германии в Тбилиси. Мы встретились и определили наше сотрудничество на основе Трилогии. Это сотрудничество подразумевает презентации в Германии, лекции, книжные выставки, проекты грузинских и немецких ученых для популяризации грузинской христианской цивилизации. Книга века уже приглашена на Международную Франкфуртскую выставку 2018 года. Так что трилогия «Свет Христов. Грузия» уже начинает странствие по миру и популяризацию Грузии.

Приведу выдержку из выступлений Патриарха во время его международных визитов:

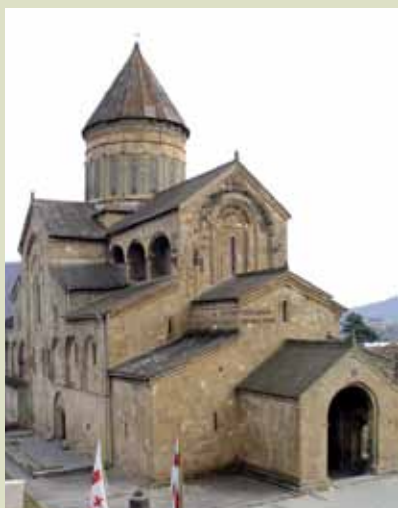
«...Мы из той страны, где еще на заре христианства – в I веке проповедовали Слово Божие святые апостолы – Андрей Первозванный и Симон Кананит, где покоятся мощи Симона Кананита, и где покоится великая христианская святыня – плащаница Господня...

...Мы дети той страны, чьи великие предки... с IV века в грузинских монастырях, находящихся за границей, на протяжении веков создавали и переводили общепризнанные духовные и светские труды...», – так представляет миру Грузию Католикос-Патриарх Илия II.

Эта история длиной в 2000 лет связана единой прочней-

Двор храма Самеба

Светицховели

шей нитью христианской цивилизации.

Трилогия посвящена 25-летию юбилею восстановления государственной независимости Грузии и эпохальной деятельности Католикоса-Патриарха Всея Грузии, Архиепископа Мцхетского и Тбилисского, Митрополита Пицундского и Сухумо-Абхазского, Святейшего и Блаженнейшего Илии II. Третий том – «Солнечная ночь. Патриарх» открывается вступлением Патриарха, за которым следует статья автора проекта Нестан Киртадзе «Сага об эпохальном Патриархе». Приведу несколько абза-

цев из этого вступления Илии II: «Грузинский народ достойно прошел путь от священного места хранения ризы Господней – первейшего храма Светицховели до Кафедрального храма Святой Троицы...

С одной стороны мгла и печаль, а с другой – Божья Благодать, которую я непрестанно испытываю на себе.

Тяжел крест каждого христианина, в особенности духовника. Но особенно тяжел крест Католикоса-Патриарха.

Период моего патриаршества можно назвать «Солнечной ночью»».

В издании III тома Трилогии века принимали участие Национальная Академия наук Грузии, Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили и издательство Тбилисского университета, Тбилисская духовная академия и семинария, Международный благотворительный фонд Католикоса-Патриарха Всея Грузии Илии II, Грузино-абхазский и Грузино-осетинский дома.

Все, кому довелось участвовать в выпуске третьего тома, как и в двух предыдущих, внесли в Книгу века боль-

шую частицу своей души.

III том самый большой по объему: первые два тома содержат 970 и 990 страниц, «Солнечная ночь. Патриарх» занимает 1264 страницы.

Все три тома прекрасно иллюстрированы – для этого был собран колоссальный материал – фотографии храмов, церквей, монастырей, карт и т.д.

Трилогия «Свет Христов. Грузия» удостоена престижной награды – «Золотой пергамент».

Книга века «Свет Христов. Грузия» вышла при поддержке премьер-министра Грузии господина Георгия Квирикшвили и Правительства Грузии, при партнерстве Министерства культуры и охраны памятников.

Над трилогией работали выдающиеся ученые всех поколений. Проект уникален, поскольку осуществляли его светские и духовные ученые, которые прошли долгий путь по формуле «Вера и знание».

В заключение надо сказать, что автор проекта, профессор Нестан (Елизавета) Киртадзе с честью выполнила свою великую миссию.

На церемонии награждения. Министр культуры Грузии М.Гиоргадзе и Н.Свентицкий

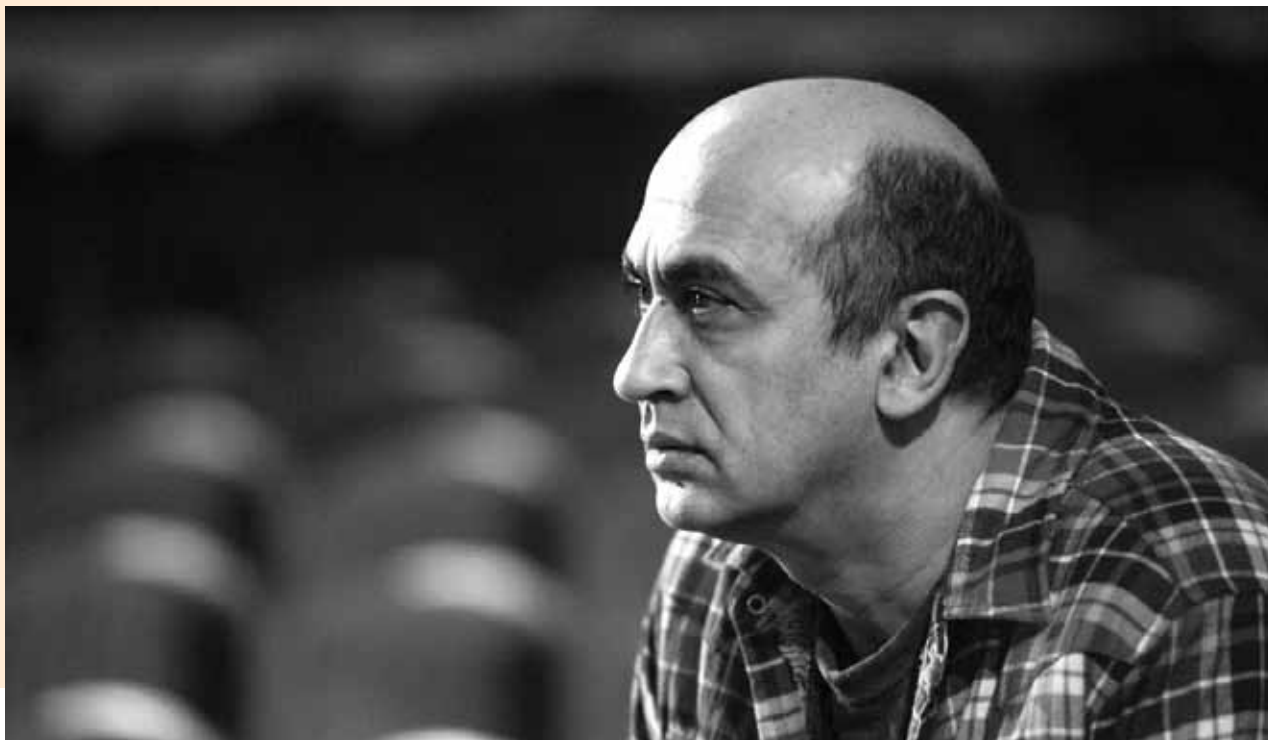

ВЫСШАЯ НАГРАДА – НИКОЛАЮ СВЕНТИЦКОМУ

За особый вклад в развитие искусства и грузинского театра директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С.Грибоедова Николай Свентицкий награжден высшей наградой Министерства культуры и охраны памятников Грузии. Награду «Жрец грузинского искусства» торжественно вручил министр культуры Грузии Михаил Гиоргадзе.

Коллективы Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С.Грибоедова и МКПС «Русский клуб» сердечно поздравляют Николая Свентицкого с заслуженной наградой.

Автандил Варсимашвили

«В ТБИЛИСИ ЦЕНЗУРЫ НЕТ»

■ Мария МИХАЙЛОВА

В 2013 году Тбилисский театр им. Грибоедова стал лауреатом премии «Звезда Театрала» в номинации «Лучший русский театр за рубежом». Тогда руководители театра в интервью нашему журналу говорили о том, какие проблемы переживает их коллектив, оставшийся одним из немногих в Грузии островков русской культуры. Прошло несколько лет, и «Театрал» решил поинтересоваться у главного режиссера Грибоедовского, Автандила Варсимашвили, чем живет нынче Грибоедовский театр.

– Автандил, вы, наверное, слышали, что на недавнем съезде СТД в Москве была затронута тема цензуры. Как с этим обстоит дело в Тбилиси? Помогает ли власть театру финансово и вмешивается ли в его дела?

– У меня в России много друзей в мире театра, и я часто слышу и читаю о проблеме цензуры, которая вдруг проросла из нашего советского прошлого. Я слушал замечательное выступление Константина Райкина и

должен сказать, что таких проблем в Тбилиси нет. Это однозначно.

Так что в плане свободы творчества живется нам хорошо, но во всем остальном (я говорю, разумеется, о финансировании) – плохо.

Денег всегда и везде не хватает, в том числе и нам. И мы должны постоянно их добывать. Мы получаем от государства только фонд зарплаты, на остальное, в том числе на коммунальные расходы, должны зарабатывать сами. Нам помогает благотворительный фонд «Карту» – собственно, благодаря ему мы и выживаем.

Так как мы русскоязычный театр в Грузии, то вы понимаете, что, конечно, нам сложно. Сложно со зрителем, потому что русских в Грузии не так уж много. Наши зрители в основном – это этнические грузины, которые хотя и слышат со сцены русскую речь и хотят, чтоб их дети знали русский язык...

– Вы не используете гру-

зинские субтитры?

– Нет-нет, я против этого. Я думаю, что если человек идет в русский театр, то он намеренно хочет слушать русскую речь со сцены, а не просто узнать сюжет произведения. Тем более что репертуарная политика нашего театра строится на русской классике. Когда человек приходит смотреть Достоевского, Пушкина, Чехова, я думаю, что употреблять субтитры – кощунственно.

– Как же вы находите общий язык с молодежью?

– Да, молодежь теперь английский язык знает лучше, чем русский. Но тем не менее дорогу к нам она не забыла. Наш театр один из самых посещаемых в Грузии, чему я очень рад.

– Зависит ли государственное финансирование от того, насколько высока посещаемость театра?

– Нет, государство как выделяет какую-то определенную сумму, так и продолжает выделять. За посещаемость не добав-

ляет и не смотрит на результаты. Но эти деньги нам помогают выживать, ставить новые спектакли, оплачивать коммунальные услуги и ездить на гастроли. В последние два-три года мы много ездим, и не только в Россию по замечательной программе российского министерства культуры «Большие гастроли», но и в другие страны на постсоветском пространстве. В течение года получается 9-10 гастрольных поездок за границу. И это очень здорово помогает коллективу объединиться, дает стимул для дальнейших работ.

– Какие спектакли возите на гастроли?

– Мы возим уже проверенные спектакли. В их числе, например, «История лошади». В последнее время подключили спектакль «Ревизор», и он имеет большой успех. У нас идет замечательный спектакль «Старший сын» режиссера Георгия Маргвелашвили по Вампилову.

– А какие предстоят премьеры в этом сезоне?

– Буквально на днях выходит спектакль «Игроки» по Гоголю.

– Это ваша постановка?

– Нет, это тоже ставит Георгий Маргвелашвили. Потом, как во всех нормальных театрах, будет премьера новогодней сказки. А в феврале–марте выйдет спектакль «Три сестры», который ставлю я.

– Сейчас очень много ставят «Трех сестер». Вас не смущает такой «бэкграунд»? В выборе материала вы отвергаете классику, а что касается постановок, вы тоже соблюдаете все «буквы» и ремарки авторов?

– Всегда надо сохранять дух автора. Дух я сохраняю. А что касается остального, то думаю, что ни один режиссер не следует каждой «букве» и ремарке, поскольку это отчасти сковывает творчество. Но посмотрим, как будет на этот раз. Если меня не спугнул гениальный спектакль Георгия Александровича Товстоногова по «Холстомеру»

и я смог дерзнуть и поставить «Историю лошади», то думаю, что и с «Тремя сестрами» тоже что-то получится. Спектакль должен выйти в начале марта, тогда давайте о нем и поговорим.

– Современных авторов не ставите принципиально?

– Предназначение нашего театра – доносить до грузинского зрителя фантастическую русскую классику. Знаете, только в Тбилиси 27 театров! Современные и зарубежные пьесы зрители могут пойти и посмотреть там. А русскую классику на русском языке они могут увидеть у нас!

– А русская современная драматургия вас не привлекает?

– Из того, что появляется сейчас, мне не кажется, что есть что-то такое, что надо обязательно показать. А показывать какую-то чернуху о том, как страшно жить сейчас в России, я не хочу. Все дело в предназначении. У каждого театра своя ниша, своя цель. У Театра Грибоедова – донести до грузинского зрителя русскую классику. К нам часто ходят дети, они должны слушать Достоевского и Толстого, а не какого-то современного Иванова или Петрова...

– То есть у вашего театра – особая миссия?

– Я просто боюсь громких слов, но – да. Считайте, что у нас такая миссия.

– Где в России вы побывали с театром в этом году?

– В Ярославле, Курске, Калуге, Туле, Воронеже...

– Как принимала публика?

– Прекрасно принимали! Замечательный зритель! Вообще это прекрасная программа «Большие гастроли», и мы очень благодарны тем, кто ее придумал. А еще мы активно участвуем в очень интересных и нужных программах СТД России: это и «Летняя школа» для молодых актеров, и фестиваль «Артмиграция», и многое другое, у нас сложились замечательные отношения с лидером СТД Алек-

сандром Калягиным, мы ему очень благодарны за внимание к нам.

– Как вы подбираете в ваш театр молодых актеров, если молодежь сейчас в Грузии не очень хорошо знает русский язык?

– У нас при театре есть совершенно бесплатная детская студия, где детишки играют спектакли на русском языке. И на этой базе мы подбираем молодых ребят, которые потом поступают в театральный институт, в специализированную русскоязычную группу. В Тбилиси в Театральном университете уже в четвертый раз мы набрали специальный курс для Грибоедовского театра. Они учатся на русском языке и, естественно, играют курсовые и дипломные спектакли на русском языке, а потом поступают к нам в театр. Поэтому у нас в театре сейчас очень хорошая молодежь, которую мы подыскиваем уже с раннего детства. Все эти студенты, которые поступили в наш институт, реально сотрудничают с нашим театром уже 9–10 лет.

– Вы сами у них преподаете?

– Я руководитель курса, у них прекрасные педагоги и по речи, и по мастерству актера, и еще мы сотрудничаем с Щукинским училищем. Каждое лето мы проводим так называемую летнюю театральную школу, и педагоги из «Щуки» приезжают к нам преподавать в первую очередь сценическую речь. У наших актеров нет никакого акцента. Кстати, это первое, что отмечают, когда мы приезжаем на гастроли, – со сцены звучит чистая русская речь.

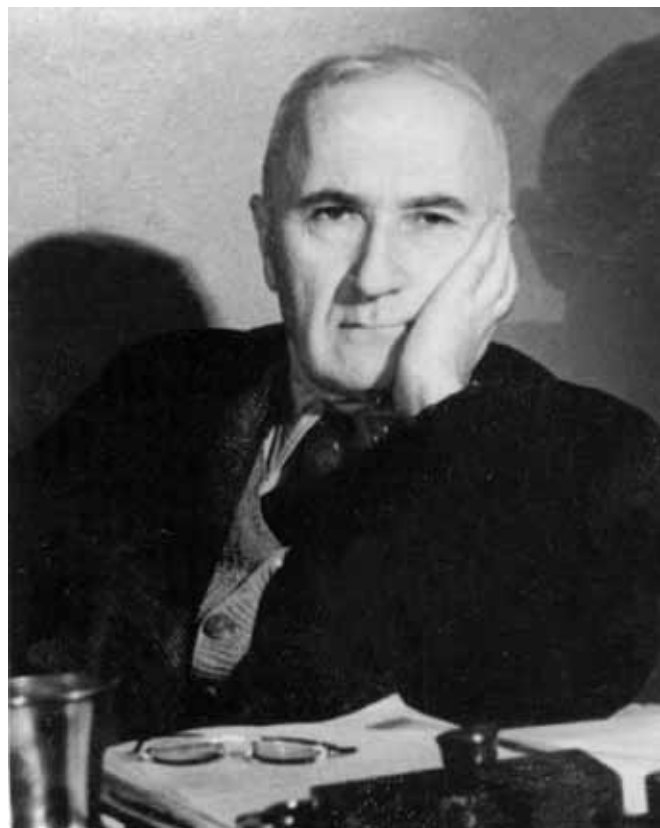
– Насколько я знаю, скоро вы поставите спектакль и в Москве?

– Да, по приглашению Римаса Туминаса начинаю репетировать «Ричарда III» в Театре Вахтангова.

*Опубликовано порталом
teatral-online.ru*

«БУДУЩЕЕ ВСЕ-ТАКИ В РУКАХ ЧЕЛОВЕКА»

К 130-летию со дня рождения
выдающегося грузинского ученого,
психолога, философа, педагога
Дмитрию Узнадзе

Дмитрий Узнадзе

■ Марина МАМАЦАШВИЛИ

Биография Дмитрия Николаевича Узнадзе, вся жизнь которого была посвящена науке, удивляет многообразием ситуаций, стечением обстоятельств, подбором фактов, упрямо и целенаправленно подчиненных одному – исполнению Предназначения. И даже при том, что официальная биография совсем не изобилует подробностями и деталями, пунктир главных и важных событий его жизни не оставляет сомнения, что осознание себя и своего места в этом мире пришло к нему очень рано.

В те далекие годы было немало примеров, когда детям, выделяющимся особыми способностями, состоятельные люди из местных оплачивали учебу в гимназии. Возможно, поэтому мальчика из крестьянской семьи села Сакара, расположенного недалеко от Зестафони, отдали в самую передовую первую мужскую гимназию в Кутаиси. Он очень хорошо учился. Но это не помешало дирекции гимназии исключить его из последнего выпускного класса за активное участие в работе революцион-

ного кружка.

Его юность пришлось на бурные годы начала XX века. 1905 год: старый уклад жизни начал рушиться. Повсеместное брожение в умах было подготовительной стадией к грядущим переменам. Но вот что интересно: его изгнали из гимназии, он практически остался на улице и мог полностью отдаться революционной деятельности, найти выход своей энергии в подпольной работе, как некоторые его сверстники. Однако он выбирает другое направление своего жизненного пути: едет в Швейцарию. Подтверждением того, что он блестяще учился в гимназии, можно считать свободное владение иностранными языками. Из Швейцарии он направляется в Германию, в Лейпциг. В этих его перемещениях нет никакой случайности. Выбор был осознан – наука и только наука.

Лейпцигский университет, основанный в 1409 году, приобрел особую и значительную роль в развитии научной мысли во второй половине XIX века - первой половине XX века. Факультет философии, избранный Дмитрием Узнадзе, был широко

известен личностью профессора Вильгельма Максимилиана Вундта. Психолог, основатель экспериментальной психологии он был учеником выдающегося ученого Германа фон Гельмгольца. Вундт внимательно изучал человеческий разум и сознание. Его новаторская для того времени научная программа осуществила практически переворот в развитии психологии, что способствовало ее становлению самостоятельной академической дисциплиной.

Узнадзе, можно предположить, вызывал симпатии преподавателей не только способностями, но и организованностью и любовью к порядку. Эти качества на всю последующую жизнь стали его спутниками. В университете Узнадзе был одним из лучших студентов. На третьем курсе он получил премию за работу, посвященную философии Лейбница. В 1909 году он окончил университет и в двадцатитрехлетнем возрасте защитил докторскую диссертацию на тему «Метафизическое мировоззрение В.Соловьева и его теория познания» на немецком языке. Защита прошла

Дмитрий Узнадзе с коллегами и учениками

в университете города Галле, поскольку в то время здесь по сравнению с Лейпцигским университетом работали более компетентные специалисты в области русской философии. По мнению специалистов, Узнадзе в совершенно новом свете описал взгляды Владимира Соловьева и отождествил его с Фридрихом Ницше на основании сходства их теорий о «сверхчеловеке».

Вот определяющая черта того времени в целом и, в частности, характера Дмитрия Узнадзе – постоянное стремление к новому, к открытиям. И хотя многое в науке и до этого было уже обрисовано, о многом существовали научные догадки и материалы, прорыв науки на излете века был, по остроумному выражению Георга Лихтенберга – немецкого физика и публициста – новым взглядом сквозь старые щели.

После успешного окончания учебы и защиты диссертации Узнадзе возвращается в Грузию, в Кутаиси: работает в нескольких гимназиях преподавателем истории, психологии, истории педагогики и логики.

Но продолжения научной деятельности у него не могло быть по той причине, что европейский диплом на территории Российской империи не считался действительным. Он стал перед выбором – в каком вузе России защищать диплом. И поехал в Харьков. Почему в Харь-

ков? Грузия была включена в состав Харьковского учебного округа с момента его создания еще в 1803 году. И хотя в 1848 году был создан самостоятельный Кавказский учебный округ, многие грузины, в том числе представители аристократических фамилий, учились именно здесь. Возможно, земляки, а их было очень много в Харькове, и определили его выбор университета. Кстати, среди студентов в одно время с Узнадзе был и Георгий Ахвледиани, его земляк по Кутаиси, в будущем выдающийся лингвист и соратник Дмитрия Николаевича по основанию Тбилисского университета. И еще один фактор был в пользу Харьковского университета: его высокий уровень и международная известность ряда его профессоров.

В 1913 году Дмитрий Узнадзе сдал экзамены экстерном на историко-филологическом факультете и получил диплом первой степени. И при том, что он был занят подготовкой к экзаменам, а программа была более чем обширной, он успевал в этот же период писать многочисленные статьи по проблемам педагогики, философии и эстетики. И как тут не вспомнить слова Николы Тесла – знаменитого современника Дмитрия Узнадзе – инженера, физика, изобретателя электротехники и радиотехники: «Вам знакомо выражение «Выше головы не прыгнешь»? Это заблуждение.

Человек может все».

В 1917 году Дмитрий Николаевич переезжает в Тбилиси. И сразу же включается в работу Общества по основанию Тбилисского университета. Инициатором создания грузинского национального университета был историк Иванэ Джавахишвили, среди основателей – востоковед Георгий Ахвледиани, философ Шалва Нуцубидзе, лингвист Акакий Шанидзе, психолог Дмитрий Узнадзе. Однако не все получилось сразу и так, как хотели эти выдающиеся люди. Не удалось открыть университет в 1917 году при Временном правительстве России. Делегация из Грузии была принята А. Керенским, который обещал прислать соответствующее разрешение. Однако вскоре в Тифлис пришла телеграмма в адрес правления Высших женских курсов о немедленной реорганизации в Закавказский университет.

И только спустя год, 8 февраля 1918 года (26 января по новому стилю), в день памяти святого царя Давида Агмашенебели, был открыт Тбилисский университет. В том же году по инициативе Дмитрия Узнадзе открылась кафедра психологии и педагогики, а в 1920 – психологическая лаборатория. И еще, что очень важно. В Грузии того времени не было учебников для обучения психологов. И Узнадзе активно берется за решение этой проблемы. И становится организатором и автором многих учебников и учебных пособий.

Активность такая же важная черта его характера, как и стремление к новизне и открытиям. Эти черты были двигателем всей его жизни и судьбы. Спустя годы, будучи уже известным ученым, он напишет статью «Чего не хватает грузинам?», которая до сих пор не теряет остроты и актуальности. А по силе откровенности и патриотизма его статья сродни публицистике Ильи Чавчавадзе. Вот одна цитата: «Активный характер, сильная воля – вот чего не хватает грузинам, и наша система воспитания должна вестись именно в этом направлении.

Мы всегда должны помнить, что являемся нищими и рабами не потому что бедны, а бедны, потому что являемся нищими и рабами. Если нам чего-то и не хватает, так прежде всего – активного характера».

По словам тех, кто его близко знал, любимой фразой Дмитрия Николаевича, ставшей потом крылатой, была «Потребности – источник активности».

Диапазон его научных интересов был огромен. Знакомясь с перечнем его работ, удивляешься всеохватности и масштабу его деятельности. Дмитрий Узнадзе исследовал вопросы мышления, речи, внимания, воли; особое внимание уделял исследованиям языка, образованию понятий, наименованиям, постижению значений, проблемам методологии и истории психологии. Он разрабатывал вопросы психотехники, педологии, возрастной и педагогической психологии, зоопсихологии. Писал статьи, посвященные грузинской литературе, мотивам лирики Николоза Бараташвили, произведению Ильи Чавчавадзе «Отшельник», творчеству Александра Абашели.

По инициативе Д.Узнадзе были созданы кафедры психологии в педагогических институтах Кутаиси в 1932 году и Сухуми в 1938-ом, которыми он лично руководил. В годы Второй мировой войны Дмитрий Николаевич основал в Тбилиси патопсихоло-

гический кабинет при эвакуационного госпиталя, в котором восстанавливал нарушенные психические функции раненых бойцов.

Еще в двадцатых годах он приступил к созданию своей знаменитой «теории установки», которая спустя годы принесла мировую известность ему и грузинской психологической школе. Экспериментальная психология установки обобщенно была изложена в работе 1938 года «К психологии установки» и окончательно оформилась в стройную научную теорию в 1949 году – «Экспериментальные основы психологии установки».

В 43-ем, в самый тяжелый год войны, он возглавил созданный им Институт психологии и руководил им до последних дней своей жизни. И до конца своей жизни руководил основанным им еще в 1927 году «Обществом психологов» Грузии.

А ведь именно в годы, когда Узнадзе интенсивно работал над своей теорией, набирал силу, крепчал Режим, или как его назвала одна из его жертв – «Сталинский прижим». Политическая история науки в огромной стране – шестой части всей земной суши – история трагическая. За судьбами многих ученых, репрессированных, уничтоженных, морально подавленных, были разрушения во многих сферах науки. Была практически растоптана творческая педагогика. Некоторые отрасли психологии были закрыты и запрещены. Наука (и далеко не только психология) стала зеркалом, в котором отражались драматические события, происходящие в обществе.

И какой силой воли, мужеством и высотой духа надо было обладать, чтобы сохранить работоспособность и довести начатое дело до конца! Среди тех, кто в эти годы избрал тактику выживания, то есть максимальной загруженности работой, колоссальной по объему разнообразной деятельности, был и Дмитрий Николаевич Узнадзе. Именно такая тактика, по мнению специалистов, изучающих эту проблему, позволила сохранить позитивное ядро науки в условиях тяжелого идеологиче-

ского прессинга.

Его психология установки подразумевает реальное психическое состояние человека и может служить основой единства сознания человека и объективной действительности. Тот смысл, который Д.Н.Узнадзе вкладывал в понятие установки, несколько отличается от обычного, принятого в психологии того времени. Установка у него – это не психический процесс и не поведенческий акт, а особый вид отражения действительности. Ее возникновение обусловлено как объектом, так и субъектом: с одной стороны, установка возникает как реакция на определенную ситуацию, а с другой – в результате удовлетворения определенной потребности. Установка не только определяет отношение человека к какому-либо событию, мнению, лицу, но и показывает, в каком виде эти последние реализуются в мире его восприятий.

В этой концепции психология переживания соотносится с психологией поведения. Перед осуществлением любой деятельности, считает Д.Н.Узнадзе, человек психологически готовится к ее осуществлению, причем этот процесс может им даже не осознаваться. Этот факт подготовки Узнадзе и назвал установкой.

Главной причиной успеха работы в этом направлении послужило то обстоятельство, что ученый создал метод исследования указанного состояния. Если раньше психология была ограничена сферой переживаний человека, то сейчас она вышла за пределы этой сферы и превратила в объект своего познания единые закономерности переживаний и деятельности человека. «Субъект, индивид, личность ни в коем случае не могут считаться совокупностью психических функций, поскольку психика – это не сам индивид, а орудие, приобретенное им в процессе взаимодействия с внешней действительностью и используемое для ее преобразования; психика – это не сам субъект, а его «орган». И, конечно же, с внешней действительностью взаимодействуют не «органы» индивида, а сам индивид, использующий

их в процессе этого взаимодействия. Любое переживание, тем более интенсивное, лично значимое, существует не только в качестве конкретного содержания сознания субъекта, но и в то же время в виде определенной установки», – подчеркивал Д.Узнадзе. Это было новым шагом в развитии психологии, что, безусловно, оказало влияние на многих советских и европейских психологов. В частности, знаменитый швейцарский психолог Жан Пиаже часто цитировал Узнадзе. Один из классов зрительных иллюзий, выявленных с помощью установки, Пиаже назвал «эффектом Узнадзе». Особенности и значению «эффекта Узнадзе» он посвятил монографическое исследование, что сделало деятельность Д.Н. Узнадзе известной в научных кругах мира.

Узнадзе входил в число 16 академиков – основателей Академии наук Грузии. Его детище – Институт психологии на протяжении почти тридцати лет был единственным институтом психологии в рамках Академии наук СССР.

...Он умер внезапно. На научном заседании в своем Институте психологии. Его сердце остановилось во время выступления. Ему было всего 64 года.

Уникальный человек, воистину Ученый с большой буквы Дмитрий Николаевич Узнадзе продлил жизнь своих идей в своих учениках, последователях и людях, восхищенных его работами.

«Наука одна, нераздельна, она дала и много даст, она не знает ни племен, ни сословий; она не знает и времени, т.к. в ней все преемственно переходит из поколения к поколению, и память об этом ходе сохраняется». Это слова великого ученого В.И.Вернадского, российского естествоиспытателя, основоположника геохимии, мыслителя и общественного деятеля о непрерывности связи времен. О том, что основа научных связей разных стран всегда должна быть вне политики. К сожалению, не всегда и не везде помнят это...

Институт психологии, ко-

торый стал носить имя Д.Н.Узнадзе после его ухода из жизни, возглавил Александр Северьянович Прангишвили, его ученик. Именно он проторил путь идеям своего Учителя в Европу и Америку. Именно Прангишвили вместе с замечательными учеными Ф.В.Бассиным и А.Е.Шерозия организовали и провели в Тбилиси в 1979 году совершенно невозможный в СССР, по оценкам его участников, феерический международный симпозиум по проблемам природы бессознательного. Четыре огромных тома материалов этого симпозиума до сих пор – уникальное явление по богатству и разнообразию представленных материалов, их творческой проблематичности.

Эстафету у А.С. Прангишвили принял профессор Шота Александрович Надирашвили, также ученик Узнадзе, яркий и интересный социальный психолог, организатор науки. Именно усилиями учеников Узнадзе был создан своеобразный эффект теплицы для соратников, единомышленников и последователей, была создана возможность вырваться из идеологического догматизма специфически советской психологии.

А совсем недавно, в 2013 году, в свет вышел значительный и ценный труд «Д.Н.Узнадзе. Философия. Психология. Педагогика: наука о психической жизни. Узнадзе: известный и неизвестный» под редакцией И.В.Имедадзе и Р.Т.Сакварелидзе, (на русском языке). И это еще одно важное подтверждение живых идей выдающегося ученого, нити, которая идет из глубины прошлого, не рвется и, надо надеяться, никогда не прервется.

Замечательный российский ученый, психолог Александр Асмолов в блестящем эссе о любви «Универсальная теория психического как феномен Дмитрия Узнадзе» пишет: «... любовь к Дмитрию Узнадзе и его научной школе стала для меня любовью и особой культурой методологии мышления – «мышления поверх барьеров» -- прошедшей через всю жизнь

и без преувеличения озарившей всю жизнь. Д.Н.Узнадзе не раз писал о том, что «душа проникла всюду». За этими словами угадывается связь мировоззрения Д.Н.Узнадзе с философской культурой Бенедикта Спинозы. С его философией Д.Н.Узнадзе сближает мысль о человеке как причине самого себя, то есть идея о человеке как самопричинном и, тем самым, свободном существе. Эта мысль достигает своего апогея в положении о том, что человек приходит в свое настоящее не прямо из прошлого, а конструирует свое настоящее, как претворение эскиза будущих действий, как воплощение установок, то есть готовности к будущим действиям. Идеи Узнадзе помогли создать неповторимый Мир Дмитрия Узнадзе, в котором люди владеют не только прошлым и настоящим, но и будущим».

Николай Бурляев

«Люди искусства пробиваются к Богу!»

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

Тонкое, нервное лицо. Широко распахнутые зеленые глаза. Кажущаяся хрупкость, за которой ощущаешь невероятную внутреннюю силу. Народного артиста России Николая Петровича Бурляева многие узнали, прежде всего, как талантливейшего актера – без преувеличения, актера мирового класса. Для поколения 60-70-х – это не только Иван и Бориска из фильмов Андрея Тарковского, но и Альбер из пушкинских «Маленьких трагедий» режиссера Михаила Швейцера, «Игрок» Достоевского в постановке Алексея Баталова, Борька из популярной картины Виталия Мельникова «Мама вышла замуж». А дальше появились Александр из мелодрамы Петра Тодоровского «Военно-полевой роман», булгаковский Иешуа Га-Ноцри из экранизации Юрия Кары «Мастер и Маргарита», Лермонтов из одноименной картины – любимого и выстрадавшего детища Николая Бурляева. Если посмотреть фильмографию Николая Петровича, становится очевидной его строгая избирательность в подходе к роли, фильму, режиссеру. Среди его киноработ нет ни одной проходной, неинтересной. Лучших режиссеров привлекало его одухотворенное лицо, психологическая подвижность, глубина. В какой-то момент в Бурляеве произошел перелом, артист вдруг изменил свое отношение к актерской профессии, стал

высказываться о ней критично. Но для зрителей его роли – это жемчужины мирового кинематографа. Сам Андрей Тарковский считал, что успех «Иванова детства» на Венецианском фестивале определила игра юного Коли Бурляева.

Рассказывают, что решающей стала его случайная встреча с Андроном Кончаловским, который искал мальчика для своей курсовой работы. Но случайного ничего не бывает. Думается, молодой кинорежиссер увидел в будущем актере не только симпатичное лицо, но и что-то еще... Приведу только один зрительский отклик: «Николай Петрович! Восхищаюсь! Всегда потрясала бешеная энергия, бурление, страстность Вашей игры, от героев на экране как будто электрические заряды отлетают. Глубоко познали природу человеческой души, ни грамма фальши, много нервной энергии вкладываете в каждый образ, и он дышит жизнью! Талантище, актер мирового уровня! Храни Вас Бог!».

Нам, зрителям, дорога еще одна ипостась этого неординарного человека: Бурляев – президент международного кинофорума «Золотой витязь». Фестиваля, который сам Николай Петрович называет феноменальным явлением культуры. «Золотой витязь» родился в 1992 году, в непростые времена развала огромной страны, и провозгласил лозунг, необходимый тогда всем

и каждому: «За нравственные идеалы, за возвышение души человека». Сейчас в кинофоруме участвуют свыше 60 стран мира.

«Одна из моих православных коллег удивилась: «А что вы так широко открыли двери? У нас же для православных, для славян!» Я тогда привел слова русского мыслителя Ивана Ильина, который говорил, что каждый художник в творчестве устремлен к совершенству. И эта устремленность приводит его к престолу Господню, потому что художник творит дело религиозное, независимо от того, к какой конфессии, к какому этносу принадлежит. Люди искусства любой страны пробиваются к Богу! Они в контакте с Господом, получают от него энергию и благодаря этому творят чудо», – говорил Николай Петрович в один из своих приездов в Грузию.

Тбилисский государственный русский драматический театр имени А.С.Грибоедова связан с Николаем Бурляевым крепкими узами любви и добра. В 2013 году спектакль «Холстомер. История лошади» в постановке Авто Варсимашвили стал обладателем Гран-при международного театрального фестиваля «Золотой витязь». Бурляев дал высокую оценку постановке грибоедовцев, и нам очень дороги его слова. Ведь они высказаны большим художником, яркой личностью.

Вместе с киноведом Дали Окропиридзе Николай Бурляев создал в Тбилиси грузинское представительство «Золотого витязя». В тесном творческом тандеме эти энергичные, неравнодушные, влюбленные в кино люди осуществили немало совместных проектов под эгидой МКФ «Золотой витязь». С Дали мы беседуем о Николае Бурляеве.

– У Николая Петровича Бурляева юбилейный год – ему исполнилось 70. Его поздравили кинематографисты всего мира. Дали, а

когда вы впервые узнали об этом незаурядном творце, человеке?

– Еще в школьные годы. Впервые увидела его в курсовой короткометражной ленте Андрея Кончаловского «Мальчик и голубь» и в фильмах Андрея Тарковского «Иваново детство» и «Андрей Рублев». Эти три работы Николая Бурляева произвели на меня огромное впечатление. Как и роль, сыгранная им гораздо позднее в фильме «Военно-полевой роман» Петра Тодоровского. Я счастлива, что благодаря своей профессии мне довелось познакомиться и общаться с такой неординарной личностью. Николай Бурляев создает в своем творчестве удивительные художественные формы, позволяющие ему выразить характер героя, всю его жизнь на высоком художественном уровне. Он тонко чувствует режиссерский замысел, сценарий, внутренний

На приеме у Католикоса-Патриарха Всея Грузии Илии II

мир персонажа. Когда смотришь работы Николая Петровича в кино, ощущаешь: актер не исполняет роль – он живет жизнью своего героя...

После первых моих юношеских впечатлений самый любимый герой в исполнении Бурляева для меня – Лермонтов. Этот образ он создал уже в зрелые годы, будучи сорокалетним актером. Благодаря синтезу множества разнообразных выразительных форм актер (и режиссер – в одном лице!) добивается необыкновенного художественно-эмоционального воздействия на зрителя. Для Бурляева поэт Михаил Лермонтов – особенная личность. Он тщательно, всесторонне изучил жизнь поэта, его творчество. Можно сказать, что Михаил Лермонтов стал частью души Николая Петровича, поселился в нем навсегда.

– Дали, расскажите, пожалуйста, при каких обстоятельствах вы познакомились?

– Это произошло в 1994 году, во время моей стажировки в Софийской киноакадемии. Я была по приглашению болгарской стороны, так как

На церемонии награждения Эльдара Шенгелая

моя дипломная работа касалась болгарского кинематографа. У меня сложились самые добрые отношения с кинематографистами, актерами, режиссерами этой страны, создавшими целую эпоху в кино. В их числе был кинорежиссер Маргарит Николов – человек, близкий Николаю Бурляеву. Тогда и произошла моя первая встреча с Николаем Петровичем. С нее, собственно, началась наша дружба, результатом которой и было создание грузинского представительства международного кинофорума «Золотой витязь».

В 2005 году я готовилась провести в Тбилиси творческий вечер, посвященный памяти Андрея Тарковского. Один из тех, кто был близок с великим режиссером, – Николай Петрович Бурляев, и я пригласила его в Грузию. Бурляев приехал вместе со своей женой, актрисой Ингой Шатовой. На вечере Николай Петрович объявил о своем желании осуществить совместный проект – создать грузинское представительство международного кинофорума «Золотой витязь», которое должна была возглавить я.

Хочу отметить, что его всегда связывали самые теплые отношения с Резо Чхеидзе, Тенгизом Абуладзе, Софико Чиаурели, Зурабом Кипшидзе, Гуджей Бурдули. Когда он снимал фильм «Лермонтов» и съемки проходили в доме-музее Александра Чавчавадзе, это тоже положило начало новым контактам. Как и прошедшие в Тбилиси фестивали «Золотого витязя» и Дни грузинского кино, проводимые нами в разных городах России при поддержке грузинских бизнесменов, работающих в РФ. В них принимали участие Баадур Цуладзе, Автандил Махарадзе. Российский зритель соскучился по грузинскому кино, тепло, с любовью встречал гостей из Грузии.

В свою очередь на фестивали «Золотого витязя» в Тбилиси приезжали Александр Панкратов-Черный, Лидия Федосеева-Шукшина, Лариса Голубкина, Евгений Жариков, Анатолий Кузнецов, Владимир Меньшов, Дмитрий Золотухин, Сергей Безруков.

Николай Бурляев познакомился и подружился в Тбилиси с художником Русудан Петвиашви-

ли, ансамблем «Тбилиси» и его руководителем Зазой Мамаладзе.

Своего рода подытоживание определенного периода жизни Бурляева – его трехтомник... Его презентация прошла в Тбилиси, в 2013 году. Первый том получил название «Мой Лермонтов». В него вошли киноповесть «Сын вольности», по которой Николай Бурляев поставил фильм «Лермонтов», и «Дневник кинорежиссера», рассказывающий о трудном пути художника. Во второй том вошли повесть Николая Бурляева «Близнецы», киноповесть «Пушкин», исповедальная поэма «Иван Вольнов» и другие поэтические произведения, детская пьеса «Бемби». Артист вспоминает о своих друзьях и наставниках, внесших большой вклад в развитие духовности, культуры второй половины XX – начала XXI века. Гражданская позиция автора – это защита нравственных ценностей. Она выражена в его выступлениях на конференциях, симпозиумах, в печати. В третьем томе публикуется летопись «Золотого витязя».

На мой взгляд, жизнь Бурляева можно разделить на три периода: детство, творческая жизнь, в которой значительное место занимает работа над фильмом «Лермонтов», и создание «Золотого витязя» – фестиваля, который резко отличается от всех существующих фестивалей. Прежде всего своей духовностью, художественностью, особыми принципами отбора картин.

На мой взгляд, главное достижение фестиваля «Золотой витязь» – внимание, проявляемое ко всем его участникам – уже известным и начинающим. Дается высокая оценка творчества, невзирая на то, о ком идет речь: именитом мастере или художнике, делающем только первые шаги в творчестве. Определяющей является только значимость кинопроизведения, его художественные достоинства. «Золотой витязь», возглавляемый Н. Бурляевым, заботится о сохранении высокодуховной культуры, создании настоящих произведений искусства, выражающих истинные ценности.

Одно важнейшее человеческое свойство Бурляева – отзывчивость, необыкновенная внимательность к людям, готовность помочь, поддержать в трудную минуту, чуткость к чужой боли, проблемам товарищей по творческому цеху. И это не игра в гуманизм, а его подлинные человеческие качества. Я бы сказала так: насколько Николай Петрович большой художник, настолько он и хороший человек, человек высокой души. Это проявляется и в творчестве, и в его отношениях с окружающим миром, и в семье с замечательными женой и детьми. Инга Шатова делает все, чтобы ничто не мешало творчеству Бурляева, активно помогает мужу в его деятельности, создает для этого все условия.

Хочу отметить особое отношение Николая Бурляева к Святейшему и Блаженнейшему Ка-

Кадры из фильмов с участием Н. Бурляева

толикосу-Патриарху Всея Грузии Илие II. В 2007 году была встреча актеров, участников фестиваля «Золотой витязь», со Святейшим. Илия II показал гостям сад, исполнил свои музыкальные сочинения, проявил необыкновенное тепло. Бурляев, приезжая в Грузию, всегда спрашивает о Католикосе-Патриархе, стремится встретиться и пообщаться с ним. Восхищается грузинским народом, его гостеприимством, доброжелательностью. На фестивалях, которые проходят в разных странах и собирают много людей, Бурляев умудряется ко всем проявлять заботливое отношение и всегда подчеркнуто внимателен к представителям Грузии. На вопрос, что им нравится в Грузии, грузинских традициях, гости чаще всего отвечают: «Кухня». А для Бурляева важны другие моменты: духовность, культура, искусство. И лишь потом – кухня. В Грузии Николай Петрович видит проявление совершенства. Переживает из-за сложных межгосударственных отношений. О своем отношении к Грузии он говорит и в Грузии, и в России. На фестивалях и форумах.

Душой Бурляев настолько глубоко связан с Грузией, что посвятил ей стихи.

– В последнее время в Тбилиси не проходят фестивали «Золотой витязь».

– Есть много возможностей, проектов, благодаря которым сюда могут вновь приезжать известные русские актеры, режиссеры, проводиться фестивали «Золотого витязя» с показом лучших картин. Но все упирается в финансовые проблемы. Раньше нас поддерживало Посольство России в Грузии. Нам помогали компания «Silk Road Group», авиакомпания «Airzena», кинотеатр «Амирани», гостиница «Tbilisi Marriot».

Уверена, что мы продолжим фестивали в Грузии, надеемся на спонсорскую поддержку... Дни грузинского кино еще не однажды пройдут в России, как и в Грузии зритель не раз еще посмотрит в рамках «Золотого витязя» блестящие кинопроизведения, увидит знакомые и новые лица российских кинематографистов.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

В Национальной картинной галерее прошла выставка известного художника и театрального декоратора Гоги Алекси-Месхишвили. Было представлено 110 работ, созданных на протяжении 50 лет творчества.

В 2014 году Г.В.Алекси-Месхишвили открыл дизайнерскую школу-студию, где процесс обучения длится два года, учеба бесплатная. Изучается работа в трехмерном измерении, рисование, черчение, работа с моделью, технический театр, составление бюджета. В год осуществляется 5-6, а порой и больше, проектов. «Надеюсь, студенты станут профессионалами после окончания учебы и смогут работать, в том числе и за границей. Не обязательно, чтоб они работали в театре, они смогут пойти в кино. Будут выбраны такие проекты, которые позволят изучить специфику как оперного, драматического театра, так и других. У меня нет бездарных учеников. Если они максимально проявят себя и станут хорошими театральными художниками, буду считать это своим большим успехом».

«Чтобы поставить спектакль высокого уровня, – рассказал батони Гоги, – хороший режиссер должен работать с такими же хорошими художни-

На выставке Гоги Алекси-Месхишвили

ками, артистами, музыкальным оформителем. Я создал дизайнерскую школу-студию, чтобы подготовить квалифицированных декораторов, художников-оформителей, художников по костюмам. Хочу, чтобы в театре работали умные, здравомыслящие мастера. Одним талантом трудно чего-то добиться. С искусством неразрывно глубокое мышление и усердный труд. Только так можно сотворить прекрасное. Поэтому стараюсь, чтобы мои ученики уяснили эту истину».

Георгий Владимирович может гордиться своими учениками, в этом мы убедились, побывав на выставке работ студентов на территории арт-пространства «Фабрика». Работы весьма оригинальны. Студенты бесспорно талантливы, они уже познали секреты мастерства, научились самовыражаться через форму, материал, фактуру, цвет и свет. Но им еще нужно много учиться. И будущее покажет, станет ли кто-нибудь из них таким же мастером, как учитель.

Соб. инф.

ДМИТРИЙ ПЕВЦОВ

Творческая встреча-концерт
«Назад в Тбилиси. Через 30 лет»

12 Января
19:00

Большой зал
Тбилисского
государственного
академического
русского драматического
театра им. А.С. Грибоедова

Международный культурно-просветительский союз «Русский клуб»
www.russianclub.ge www.rcmagazine.ge rusculture@mail.ru

После операции. У постели Александра его отец Николай. 1915

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

История жизни этого человека – лучший сценарий для остросюжетного захватывающего сериала. Судите сами: Тифлис конца прошлого века и воздушные победы одноногого (!) летчика над Балтийским морем, награды, врученные главой Временного правительства Александром Керенским и двумя президентами США, создание мощной авиационной корпорации и работа на студии Уолта Диснея, исследования в Японии после атомной бомбежки и доклад Германа Геринга, мировые рекорды скорости и бестселлер о тактике воздушной войны... А началось все с того, что в столице Грузии родился русский дворянин Александр Прокофьев-Северский.

Его отца Николая, бывшего поручика, судьба заносит на бе-

рега Куры... популярным певцом. Он потомственный офицер, сын полковника инженерных войск, строившего Военно-Грузинскую дорогу к Тифлису. Но служба в полку становится Николаю не в радость – верх берет тяга к пению под гитару. Тем более, что и голосом, и артистическими данными он не обделен. Так что, предпочтя то, что сегодня называется эстрадой, он отказывается от мундира, добавляет к фамилии приставку Северский и гастролирует по стране. В Тифлисе в 1894 году и рождается его первенец Саша, которому предстоит войти в историю не только США и России. И в жизни которого было несколько чудес.

Уж ему-то предназначено продолжить воинские традиции семьи, после Тифлиса осевшей в Санкт-Петербурге. Саша –

один из лучших в военном училище, куда поступает в десять лет, через четыре года – престижный Морской корпус. Отец его – уже состоятельный человек, оперетта и романсы принесли хороший доход, у него уже свой театр, его пластинки раскупаются «на ура», он свой человек в высшем свете. И, конечно, Николая не обходит стороной вспыхнувший интерес столичного светского общества к новому явлению – авиации. Он, с сыновьями Александром и Георгием, – частый гость на аэродроме в Гатчине. В 1911 году сегодняшних строгостей нет, оказаться у кромки летного поля может любой желающий. А знаменитый артист – почетный гость, ему с детьми показывают ангар, позволяют посидеть в совершенно открытых пилотских креслах. И Проко-

Александр учится летать на «Фармане»

фьевы «заболевают» авиацией. Это окажет решающее влияние на всю их жизнь.

Отец с сыновьями обсуждают конструкции аэропланов, увлекаются авиамоделизмом и именно тогда кадет Морского корпуса Александр Прокофьев создает свою первую модель самолета, с резиновым моторчиком. А потом на заднее сиденье аэроплана «Фарман» его приглашает друг отца, пилот-инструктор. Это – не кто иной, как Игорь Сикорский, будущий легендарный американский авиаконструктор, создатель вертолетов. И Саша понимает: иного пути, как стать летчиком у него нет. Впрочем, и отец с братом, полетав пассажирами, тоже мечтают об этом. Их желание исполняется в гатчинской частной авиашколе «Гамаюн». Туда принимают любого, лишь бы было чем платить, а программа обучения на легкоуправляемых «этажерках» много времени не занимает. Получив вместе с младшим сыном Георгием заветный диплом, Николай позволяет себе купить самолет и становится одним из первых в России владельцев летательного аппарата. В артистических кругах по-прежнему звучит его псевдоним Северский, а в авиационных кругах его знают, как поручика Прокофьева. Но поле-

ты для него – всего лишь хобби, а вот для Георгия становятся профессией инструктора и испытателя. На аэродроме он известен как Жорж.

А что же Александр? Строгий распорядок Морского корпуса не позволяет частых отлучек, и он белой завистью завидует отцу с братом. На последнем курсе он уже не кадет, а гардемарин, совершает сложное учебное плавание на канонерке «Бобр». А за окном – 1914 год, начало Первой мировой войны... Получив по окончании учебы офицерское звание мичмана, он, конечно же, рвется на фронт, но у корабля, к которому он приписан, долгий ремонт в доке. И мичмана Прокофьева, завалившего начальство рапортами, командируют на Офицерские теоретические курсы авиации и воздухоплавания при кораблестроительном отделении Санкт-Петербургского политехнического института.

Когда теоретический курс освоен – практика в Гатчине, где с ним занимается брат Жорж, на семейном «Фармане». Через неделю занятий в воздух самостоятельно поднимается третий Прокофьев, сделан первый шаг в новой жизни. Но вместо возвращения на курсы для сдачи практического экзамена его отправляют в Севастопольскую авиашколу, готовящую боевых летчиков. Там все идет великолепно вплоть до показательного учебного боя в присутствии высшего петербургского начальства. Александр не только нарушает сценарий этого боя, но и крутит сложные фигуры, спирировав прямо на чиновных наблюдателей. Это расценивается как неисполнение приказа начальника авиашколы и воздушное хулиганство. Мичмана Прокофьева отчисляют и отправляют в Гатчину «для дальнейшего обучения полетам».

С мая 1915-го он совершенствует летное мастерство под руководством не только брата, но и отца, который решил, что во время войны не до пения и тоже стал инструктором. Основное внимание уделяется полетам над морем и тактике, прицельному бомбометанию и воздушной разведке. Через месяц с небольшим мичман Прокофьев,

успешно сдав экзамен, получает звание морского летчика и летный диплом за номером 337. Да, число военных летчиков в России тогда не достигало и трех с половиной сотен... Службу Александр начинает на базе гидросамолетов на острове Эзель, ныне – эстонском острове Сааремаа. На французской двухместной летающей лодке-биплане он вылетает на разведку и на охоту за немецкими кораблями. В то время бомбы сбрасывали очень просто: сидящий за пилотом наблюдатель ставил взрыватель бомбы на боевой взвод и скидывал ее над целью. Именно так с аэроплана Прокофьева бомба попадает в корму немецкого эсминца, но при втором заходе в самолет ударяет снаряд, приходится делать вынужденную посадку на воду, удар столь сильный, что наблюдатель не успевает снять с боевого взвода взрыватель приготовленной к метанию бомбы...

Чудо первое: наблюдатель погибает, но летчик жив, тяжело раненным его подбирает катер береговой охраны. В медсанчасти выясняется, что у мичмана раздроблена ступня правой ноги и большая потеря крови. Чтобы избежать гангрены, изуродованную часть ноги ампутируют. Врачи хотят резать и выше, до колена, но протест Александра поддерживает примчавшийся в госпиталь отец. Впрочем, Про-

Александр де Северский у своего самолета

Жена конструктора Эвелин

кофьеву-старшему приходится навещать и младшего сына – Жорж после аварии аэроплана лежит с переломанными ногами в другом отделении того же госпиталя.

После выписки надо осваивать протез, и Александр делает это с таким упорством, что к новому 1916 году практически никто не догадывается, что он инвалид: мало ли кто чуть прихрамывает! Ну а работа его, конечно же, должна быть связана с небом. И он становится главным контролером качества новых аэропланов на Первом авиационном заводе в столице, а затем, с учетом его боевого опыта, старшим инспектором морской авиации Петроградского военного округа. Командование довольно им, но сам он уверен, что способен на большее. А именно – летать. Протез ведь отличный, а все управление тогдашними самолетами – в нажатии на педали. И однажды он тайно поднимется в небо на летающей лодке М-15. Полет проходит отлично, теперь остается убедить высокое начальство, что он способен воевать.

Сделать это он пытается на смотре боеготовности флотских авиаотрядов в Севастопольской бухте. Друзья из obsługi самолетов не могут ему отказать, и он взмывает над проверяющими генералами и адмиралами. Те не догадываются, кто закладывает сложные виражи и даже совершает учебную атаку на них. А узнав об этом после лихой посадки, не скрывают гнева:

протез, взлетел без разрешения, хулиганит... Командующий Черноморским флотом категоричен: «Наказать!», нарушитель оказывается под домашним арестом.

Но у начальника службы связи Балтийского флота Андриана Нелепина – свое мнение. Он описывает происшедшее в рапорте Николаю II, тот требует от военного министра полный отчет и совершается второе чудо – резолюция царя гласит: «Пусть летает!». Газеты разносят весть об одномом летчике по всей стране.

И он летает, сбивает самолеты, получает награды и звания. Но этого мало, богатый опыт помогает развиваться конструкторскому таланту. Прокофьев создает буй, уточняющий местонахождение обнаруженной подводной лодки, работает над прицелом для бомбометания и дозаправкой самолетов в воздухе, а разработанное им лыжное шасси и усовершенствованная конструкция элеронов повсюду используются в самолетостроении.

Эвелин и Александр в совместном полете

Де Северский над Нью-Йорком

Де Северского награждают президенты США Ф.Д. Рузвельт и Г. Трумэн

Причем шасси удостоивается премии Флота России за лучшее изобретение в 1916 году. Когда выясняется, что летающие лодки уступают новым немецким самолетам, он начинает воевать на сухопутном «Ньюпоре», помогает переучиваться другим летчикам, возглавляет авиационный отряд. И совершает еще один подвиг. Это кажется невероятным: когда над вражеской территорией отказывает двигатель, приземлившийся на поле летчик поджигает самолет, снимает пулемет, взваливает на плечо и свершается чудо: 16 километров он идет на протезе (!) к своим.

Его встречают как героя, назначают командующим истребительной авиацией Балтийского региона, избирают почетным председателем Всероссийского аэроклуба. А в стране уже прогремела Февральская революция, и Временное правительство предлагает Прокофьеву должность помощника морского атташе в США. То, что ему всего 23 года, не помеха: налетал полторы тысячи часов, провел 57 воздушных боев, сбил более десяти самолетов. Да и награды солидные – ордена Святого Георгия и Святого Владимира, золотое Георгиевское оружие, три ордена Святой Анны и два – Святого Станислава! Заполняя анкету для паспорта, он берет артистический псевдоним отца, оставив от настоящей фамилии лишь первую букву. А чтобы было ясно, что он дворянин, до-

бавляет приставку «де». И с тех пор до конца жизни он – Александр П. де Северский.

Очередное чудо: пришедшие к власти большевики подтверждают назначение в США специальным мандатом. И Александр, спрятав награды в протезе, вместе с матерью покидает Россию. Как оказалось, навсегда. Протез играет чудесную роль, не только послужив тайником. Когда по дороге во Владивосток, матросы опознают в Прокофьеве офицера и приводят к своему старшему, тот именно по протезу узнает летчика, который спас его эсминец от атаки немецкого бомбардировщика... Из Владивостока, через Токио и Сан-Франциско – в Вашингтон. И там, в российском посоль-

стве, де Северский оказывается уже вторым уроженцем столицы Грузии: посол Борис Бахметьев крестит в Сололакской Спасо-Вознесенской церкви и с золотой медалью окончил Первую Тифлисскую гимназию.

Новая должность позволяет завести полезные знакомства в американских военных и деловых кругах. Александр вступает в «Добровольную ассоциацию русских офицеров армии и флота» и нотариально заверяет все документы, подтверждающие, что он – летчик и изобретатель. Когда Конгресс США заявляет, что не признает Советскую Россию, де Северский решает не возвращаться на родину. Места работы мелькают, как в калейдоскопе: рекламная пилотажная

Де Северский и Уолт Дисней

Авиационный завод де Северского

группа, самолетостроительные компании «Хэнневи́г Эйркрафт», «Кантеливер Аэро», «Аэромарин», должности инженера-консультанта, испытателя, пилота... Потом встреча со своим первым летным инструктором Игорем Сикорским. Тот уже освоился в США и может помочь с работой. А генерал Уильям Митчелл, которого назовут «отцом американской стратегической авиации», знакомит Александра с элитой американской авиации, и, что еще важнее, по его протекции эмигрант без американского гражданства получает должность инженера-консультанта в управлении Военной авиации армии США.

Еще одна удача – завершение начатой еще в России работы над прицелом для бомбометания. Прибор устанавливают на всех американских бомбардировщиках, де Северский становится состоятельным человеком и может осуществить свою мечту – создать собственную авиакомпанию. Она названа «Северски Аэрокорпорейшн». Рождаются новые изобретения, идут заказы, представителем компании в Европе становится эмигрировавший во Францию брат Георгий. Затем – американское гражданство, звание майора, женитьба на красавице Эвелин Оллифант. Профессия пилота-инструктора пригодилась и в семейной жизни – представительницу одного из самых знатных семейств Нового Орлеана супруг научил летать. И она не только устанавливает несколько женских авиационных рекордов, но и становится одной из основательниц клуба американских летчиц «99», летает вместе с мужем.

Потом – встреча с еще одним земляком-эмигрантом, Александром Картвелишвили, вошедшим в историю авиации под сокращенной фамилией Картвели. Когда фирма Александра Николаевича получает новое название «Северски Аэрокрафт Корпорэйтед», ее основатель становится президентом, генератором идей, а Картвели

– главным инженером, воплощающим эти идеи шефа. Создаваемые ими амфибии устанавливают мировые рекорды, на одной из них Александр совершает рекламный полет прямо над Нью-Йорком. На различных гонках завоевывает призы и истребитель, переделанный в гоночный самолет. Но самая знаменитая разработка этой фирмы – гидросамолет SEV-3, способный садиться и на воду, и на сушу, установивший мировой рекорд скорости для амфибий с поршневым двигателем. Был еще самолет P-35, но высшее командование сочло, что бомбардировщики обойдутся без сопровождения таких скоростных машин, и это стоило жизни тысячам американских летчиков во Второй мировой войне.

А вот с истребителем P-43 приходится поволноваться. Его сразу оценили японцы, и совет директоров компании настоял: ради прибыли надо заключать сделку с потенциальным противником. Что ж, бизнес есть бизнес, это – не единственный пример

Майор де Северский в эпицентре атомного взрыва в Нагасаки

в отношениях противостоящих государств. Двадцать самолетов через Сиам тайно переправляются в Японию, там их переименовывают в А8В-1 и используют для воздушной разведки. Сделка эта приносит главе фирмы массу недоброжелателей во властных сферах США. В то же время сами власти настаивают на другом контракте – с СССР. Там аж за два миллиона долларов хотят купить всего лишь пару Р-43, чтобы создать на их основе свои истребители. Но де Северский против контактов с большевиками и, к его облегчению, Кремль все-таки отказывается от этой идеи. Правительство же отказывается финансировать массовое производство этого самолета, Александр вкладывает все средства своей фирмы, и она оказывается на грани разорения.

Так отворачивается удача. Приходится рекламировать Р-43 в Европе, совершая рекордные по скорости перелеты между Парижем, Брюсселем, Лондоном, Копенгагеном. Но больше всего европейцы обращают внимание на прогноз де Северского: через несколько месяцев, в сентябре 1939-го, начнется война. Это расценивается как стремление привлечь к себе внимание. Однако, как знаем, прогноз сбылся... А из Штатов приходит плохая весть: совет директоров снимает конструктора с поста президента компании за неэффективную финансовую политику и... сделку с японцами. Фирму переименовывают в «Рипаблик Аэрокraft». Александр Иванович подает судебный иск, но ничего не добивается и уходит из авиастроения. Тем не менее слава не покидает его – на многие годы он становится популярнейшим журналистом, аналитиком, прогнозистом.

Его публикуют самые читаемые журналы, он ведет колонку на радио ВВС, его предложения по реорганизации военной авиации претворяются в жизнь. Сам президент Франклин Делано Рузвельт принимает его и тепло говорит о «его многолетнем вкладе в развитие авиации США в качестве летчика, установившего рекорды дальности и скорости, изобретателя и конструктора выдающихся боевых самолетов, авторитетного эксперта в области военной авиации». Затем президент вручает ему престижнейшую награду «Международной лиги авиаторов» «Хармон Трофи», как самому выдающемуся авиационному деятелю. Она присуждена за «исследования современных способов ведения воздушной войны, и прогнозы развития тактики, стратегии и конструкции боевых самолетов, которые отличались необычной точностью и создали ему репутацию эксперта, заслуживающего доверия».

В этих двух формулировках сосредоточено все, что он сделал. Лучше не скажешь! Он зарабатывает до двух тысяч долларов за статью, пишет книгу «Воздушная мощь – путь к победе», которая расходуется полумиллионным тиражом и на десятилетия становится одним из основных трудов по стратегии воздушной войны. А в 1943-м книгу экранизируют... Уолт Дисней. Де Северский создает эскизы, по которым работают аниматоры. Часовой фильм о возможностях военной авиации потрясает и миллионы рядовых зрителей, и политиков, даже таких как Рузвельт и Черчилль. Дисней же вручает соавтору-авиатору копию «Оскара», изготовленную на

своей студии. Но это – не единственная необычная миссия авиационного специалиста.

По заданию правительства, простой майор вместе с двумя высокопоставленными генералами участвует в... первом допросе Германа Геринга. Оказывается, что тот помнит некогда единственного в мире летчика с протезом ноги еще по Первой мировой войне и теперь сожалеет, что «встреча двух знаменитых асов проходит в столь непрезентабельных условиях». После этого Александр Николаевич совершает поездку по Европе с широкими полномочиями от правительства, и военный секретарь США Роберт Петтерсон в восторге от отчета независимого эксперта де Северского с анализом итогов воздушной войны над Старым Светом. А после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки – поездка по этим городам, изучение результатов использования нового страшного оружия. Участвует он и в ядерных испытаниях на атолле Бикини, где один из взрывов – организованный по его рекомендациям – особенно успешен. За это – высший знак отличия США для гражданских лиц, медаль «За заслуги». Очередной президент США Гарри Трумэн вручает ему вторую «Хармон Трофи»...

До самой своей смерти он один из самых известных людей в Штатах, автор еще двух книг, профессор авиационного университета, консультант командующего военно-воздушных сил. Он создает корпорацию, в которой разрабатывает средства контроля за загрязнением окружающей среды, вы-

ступает с лекциями во многих странах, работает консультантом по военной авиации в нескольких государствах Южной Америки. Всего же он запатентовал в Америке более трехсот изобретений!

Жены его Эвелин не стало в 1967-м, но в старости судьба дарит ему дружбу с соседкой Мери Боурне. Она вложила крупную сумму в компанию «Северский электронатом», вошла в ее руководство, и опекала Александра Николаевича, став ему самым близким человеком. Когда он ушел в 80 лет, она выполнил его волю, захоронив в его могиле урну с прахом Эвелин... На могильной плите под фамилией, как водится, просто даты рождения и смерти. А во всех энциклопедиях и справочниках уточняется: 24 мая 1894, Тифлис – 24 августа 1974, Нью-Йорк.

Публика долго не отпускала артистов

ЗАПОМНИ ЭТОТ МИГ

■ **Нина ШАДУРИ**

Он мечтал вернуться в Тбилиси на «Мерседесе». И чтобы рядом с ним сидела Лолита Торрес. Этого не случилось. Микаэл Таривердиев вернулся в родной город своей музыкой.

В 2016 году совпали два юбилея – счастливый и печальный. 85 лет со дня рождения и 20 лет со дня ухода выдающегося композитора, вечного тбилисца.

Международный фестиваль музыки Микаэла Таривердиева «Запомни этот миг» прошел с июля по ноябрь в восьми странах мира – России, Франции, США, Германии, Эстонии, Грузии, Армении и Великобритании.

Организаторами юбилейного гала-концерта в Тбилиском театре оперы и балета им. З.Палиашвили стали Союз «Русский клуб», Благотворительный фонд творческого наследия М.Таривердиева и «Ро-

сконцерт».

И вот на сцене, где в 1949 году состоялся дебют композитора, вновь зазвучала его музыка. Этот вечер стал праздником! Оркестром Тбилисской оперы дирижировал заслуженный артист России Александр Поляничко. На фортепиано солировали обладатель Гран-при I Международного конкурса молодых пианистов Grand Piano Competition Сандро Небиеридзе и заслуженный артист России Алексей Гориболь. В исполнении сопрано Термине Зарян прозвучала моноопера «Ожидание». А всеми любимые песни из фильмов пели легендарное трио «Меридиан» и грузинские исполнители и артисты – Ирма Сохадзе, Майя Бараташвили, Ирина Мегвинетухуцеси, Олег Мчедlishvili, Зураб Манджavidze, Нино Дзоценидзе, Темо Саджая, Лейла Телия. Стоит ли уточнять, что зал подпевал,

а после – долго не отпускал участников гала-концерта!

«Мне очень дорого то, что в Тбилиси Микаэла Леоновича не просто помнят, а любят, – обратилась к публике вдова композитора, музыковед Вера Таривердиева. – Потому что он такой тбилисский! Он такой свой! Тбилиси... Вы знаете, само это слово вызывало в нем какое-то особое чувство. Он мне его передал. Тбилиси меня понял. И принял. И уже никогда не отпустит. Я буду сюда приезжать, несмотря ни на что».

«Говорят, все дороги ведут в Рим, – сказал со сцены президент «Русского клуба» Николай Свентицкий. – Но я знаю точно, что много великих дорог берут свое начало именно в Тбилиси. Только в таком городе и мог родиться Микаэл Таривердиев – волшебник мелодии, кудесник гармонии».

Он здесь родился, прожил

19 лет и остался тбилисцем на всю жизнь. Достаточно прочесть первую главу из его книги «Я просто живу», которую Микаэл Леонович назвал «Тбилиси – полифонический город»: «Синее небо моего детства, небо Тбилиси, жаркое лето, воздух, напоенный запахом южной зелени и настолько густой, что, кажется, его можно резать ломтями. И мама... Из какого-то окна – неумело подбираемая грузинская мелодия. Музыка звучит негромко, ненавязчиво. Она как бы часть жизни, продолжение этого двора, этого города. Иногда вечерами за каким-нибудь окном, а то и просто на балконе собираются мужчины, и начинается знаменитое грузинское музицирование, абсолютно непонятное мне и по сей день. Как люди, никогда

лав Рихтер. Танцевал Вахтанг Чабукиани. В Грибоедовском шли спектакли, которые Таривердиев спустя много лет вспомнит как «упоительные»...

Таривердиев учился в знаменитой 43-й школе. В школьные годы написал первое произведение, которое получило признание – гимн школы, который поют до сих пор. Окончил Тбилисское музыкальное училище. Между прочим, за один год.

Ему было 16, когда в Тбилисской опере исполнили два его балета. Микаэл получил первый в жизни гонорар, купил свою первую шляпу и закрутил первый роман – с балериной.

А еще важно то, что он рос в пестром тбилисском дворе, где всех связывала дружба. Двери не запирались. Никому не была важна национальность соседа. Когда кого-то из обитателей дома арестовывали, никто не боялся общаться с семьей «врага народа».

Город в то время условно делился на две части. По правую сторону Куры – Соллаки, где жил Таривердиев. По левую – Плехановский проспект. А предводителями знаменитой плехановской шпаны были два

М.Таривердиев с одноклассниками. 1949

будущих академика – Володя Бураковский и Женя Примаков.

А сам Гарик (как его называли в Тбилиси) ни к какой шпане не принадлежал. Свою позицию он уяснил еще ребенком: «Когда мне было шесть лет, меня отвели в детский сад. Ко мне подошли два мальчика, навали себя, один из них сказал: – У нас две команды, я главный в этой, а он – в другой. Ты за кого? Мне стало обидно, почему я должен быть за кого-то. И я ответил: – Я за себя. Тут же началась драка. Я получил хорошую взбучку и от одного, и от другого. Как ни странно, с тех пор моя позиция не изменилась».

Микаэл поступил в Ереванскую консерваторию. А через полтора года сбежал из Еревана – не смог прижиться. Уехал в Москву, где с победной легкостью поступил в Институт имени Гнесиных в класс Арама Хачатуряна.

Всю оставшуюся жизнь он прожил в Москве. Но так никогда и не смог привыкнуть к отсутствию гор на горизонте. Их ему всегда не хватало...

За роялем А. Горibold

нигде не учившиеся, встречающиеся, быть может, в первый раз, с такой точностью на ходу аранжируют мелодию на четыре, пять, шесть голосов? Это полифония самого высокого класса. Я вырос на этом пении».

Тбилиси тех лет – это город и время талантливых людей, поразительная атмосфера творчества. Каждый понедельник в опере давали симфонические концерты. Дирижировал молодой Одиссей Димитриади. Исполнялись новые сочинения Отара Тактакишвили, Реваза Габичвадзе. Играл Святос-

Вера Таривердиева

На пресс-конференции

Когда играешь кому-то третьему

■ **Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ**

Грузинский международный фестиваль искусств им. Михаила Туманишвили GIFT – это действительно подарок, о котором только может мечтать любой театрал. Тбилисцам очень повезло – каждый год они могут увидеть 20-25 спектаклей, выставок, презентаций высшего художественного уровня.

А вот пресс-конференция, на которой собираются сразу несколько звезд, да еще готовых к открытому разговору – это, знаете ли, уже не подарок, а настоящий клад для журналиста.

Рядовому зрителю на подобную встречу никогда не попасть, поэтому мы и решили поделиться ею с нашими читателями.

Участниками пресс-конференции стали: основатель, вдохновитель и рулевой фестиваля GIFT Кети Долидзе, генеральный директор Федерального центра поддержки гастрольной деятельности Антон Прохоров и, конечно, создатели спектакля театра имени Е. Вахтангова «Ветер шумит в тополях», одного из безусловных фаворитов фестиваля этого года, – художественный руководитель театра, режиссер Римас Туминас, актеры Максим Суханов, Владимир Симонов и Владимир Вдовиченков.

– Отзывы критиков об этом спектакле очень разноречивы. Как вы реагируете на рецензии?

В. Вдовиченков. Отзывы – это важно. Но это не самое важное. Потому что мнений бывает миллион, всем не угодишь. Признаться честно, хочется реагировать только на конструктивную критику. Статьи в стиле «слышь, ты» откладываешь в сторону сразу. А если читаешь, скажем, написанное в таком стиле – «мне понравилось, но кое-что меня смутило», как раз на такое и реагируешь. И задаешь себе вопросы. Римас Владимирович однажды даже предложил: того критика, кто даст самый конструктивный

отзыв о спектакле, приглашать впоследствии на репетиции, спектакли, для общения. Но это пока не осуществилось.

– Римас Владимирович, в ваших метафорических спектаклях много скрытых смыслов. Я понимаю, что задаю запрещенный вопрос, но все же - какие смыслы вкладывали вы? И еще. Мне показалось, что все три великолепных артиста в какой-то степени были самоироничны, даже пародировали сами себя. Так ли это?

Р. Туминас. Да, вы правы. Я не предлагаю никаких новых смыслов. И не отрицаю, что всегда ставлю один и тот же спектакль. Схожесть есть, остается, и так должно быть. Я давно понял, что не надо выражать себя. Вот молодые любят говорить: «Я хочу выразить себя!». А кто тебя об этом просил? Разве ты интересен? Разве я интересен публике большого интеллектуального потенциала? Но вот когда выражают автора через актера... Одно через другое выражается – Лермонтов написал «Демона», а Врубель написал своего «Демона» по Лермонтову... Как говорил Любимов, это не система, а метод. Метод работы, метод раскрывать другого. Я беседовал с греческими актерами и режиссерами, мне довелось работать с ними, я ставил «Царя Эдипа». Они высказали мысль, которая давно меня волнует. Начиная с античной трагедии, они играют сначала для граждан (говорят не «публика», а именно «граждане»), потом – для звезд, потом – для умерших. Если эти направления соединяются, тогда можно монтировать и комедию, и драму, и трагедию... Но в спектакле «Ветер шумит в тополях» самые большие надежды, конечно, возлагались на актерское исполнение – они должны были, как оркестр, настроиться и сыграть симфонию.

– А что, если бы герои добрались до топов? Можно ли рассматривать такой вариант?

Р. Туминас. Надо рассматривать! Я вам кое-что напомним. Когда мы начали репетировать, меня обвиняли в том, что я не люблю русскую литературу, что я разрушитель русского театра и так далее. В общем, чужак, чужак. Смотрели с недоверием или провокацией – быть Вахтанговскому театру или не быть. Шаткое положение. Но оно меня не волновало. Я всегда остаюсь в позиции гостя – это самое лучшее. Тогда и дистанция нужная сохраняется. Эти три актера – тоже гости на сцене. Где бы они ни играли – они гости. Гости Вахтанговского театра. Будут они здесь завтра? Может, и нет. Наверное, отсюда эта ирония по отношению к себе. Как говорил Анатолий Эфрос, «я уйду из театра, надо уходить из театра, каждый день надо уходить из театра, только – куда?» Я очень хорошо помню телевизионную передачу, которая очень некрасиво, негативно отзывалась именно обо мне. И один из главных упреков звучал так: а почему этот чужак ставит здесь, на русской сцене, современную французскую пьесу? То есть акцент был такой: он не наш, он обманщик, его «Дядя Ваня» – тоже обман, он сумел всех обмануть. Правда, после «Евгения Онегина» и «Пристани» упрекать перестали, но «Ветер» все-таки был недооценен. Актеры сами знают, чего это нам стоило. Но они не поддались, не разошлись, наоборот – сплотились. И чем дальше, тем больше этот спектакль расцветал со всеми своими кружевами – экзистенциалистскими, абсурдистскими, авангардистскими...

– Вопрос актерам. Какие рекомендации давал вам режиссер и что вы добавили от себя, работая над образами?

В. Вдовиченков. Рекомендация у Римаса Владимировича только одна. Я ее запомнил на всю жизнь, и она действительно важная. «Когда выходите на сцену, помните, что вы играете третьему». Каждый сам решает, кто этот третий. Бог или кто еще. Зрителя обмануть легко, зритель рад обманываться. А когда играешь не себе, не зрителю, а кому-то третьему, все окрашивается другим цветом. В этот момент ты честнее, чем есть на самом деле. Все становится более важным.

Р. Туминас. Я повторяюсь, но напомним слова, которые вы прекрасно знаете. «Весь мир театр, мы все актеры в нем». Приписывают Шекспиру. Но это не Шекспир. За сто лет до него это сказал французский поэт Ронсар, и полностью читается так: «Весь мир – театр, мы все актеры в нем, всевышняя судьба распределяет роли, и небеса следят за нашей игрой». Что нужно знать актеру? Кому «третьему» играть? Третьему глазу, звездам, небесам? Разуму Вселенной? Как вы знаете, у Птолемея – семь сфер, они окружены восьмой, на которой закреплены звезды. А что там, дальше, за восьмой сферой? Какой-то звук доносится из-за той восьмой сферы. Ангелы, звуки хора, там наши предки, деды и прадеды, все умершие. И они поют. Вот это и надо ус-

лышать. И играть им – небесам... Вчера мы сумели сыграть. Этот спектакль, как и «Дядя Ваня», держится очень стабильно.

– Как вы сочетаете работу в Вахтанговском и в Малом театре Вильнюса?

Р. Туминас. Мне не трудно это сочетать. Хотя это разные театры, разные стили. Литовские актеры, пожалуй, более склонны к абстрактному мышлению. Мало спрашивают. Мало говорят. Не делят между собой роли. Каждый понимает, что приглашен на спектакль, а не на роль. Мы сперва собираемся для постановки, что-то разыгрываем, обсуждаем, а потом уже распределяем роли. И никто не в претензии. В русском театре по-другому. Кого я буду играть – первый и главный вопрос.

К. Долидзе. В своей книге Ванесса Редгрейв вспоминает, что когда Роберт Стура ставил в Лондоне спектакль «Три сестры», один из актеров хотел подать на него в суд. Он мне все указывает, возмущался актер, сюда стань, сюда посмотри. Как так можно? Пусть режиссер объяснит свою концепцию, и я все сделаю. Ванесса отговорила его подавать в суд, а в итоге этот актер просто влюбился в Стура, и ему понравился метод, когда режиссер довлеет над актером.

– Но ведь Георгий Товстоногов говорил, что театр – это добровольная диктатура.

М. Суханов. Ну... Я не знаю, какие там были спектакли.

– То есть как?

М. Суханов. Вот так. Не факт, что они бы мне понравились. И вам тоже. Понимаете? Какие-то, может быть, были и хорошие, а какие-то – нет. Но дело даже не в этом, а в том, что должно быть творчество. Если есть воля у режиссера, воля у актера, если есть исследовательский путь, тогда и получается интересно.

Римас Туминас

Кети Долидзе

В. Симонов. Добавить про актерскую кухню и режиссерскую диктатуру нечего.

– Ваш персонаж кажется загадочным, закрытым. Чем он вам близок?

В. Симонов. Возрастом, наверное... Не знаю, почему мой персонаж получился у меня загадочным. Мне-то самому кажется, что это очень ясный персонаж. Страдающий. Не открывающий себя, скрывающий гораздо больше, чем остальные два персонажа. Соккрытие – это и есть его трагедия и сила. Мы достаточно коротко репетировали этот спектакль. У меня был образ, который Римас и я условно назвали «замухрышка». Вдруг за неделю до премьеры, после очередной репетиции, Римас говорит: «Ты знаешь, надо полностью поменять образ – и направление, и характер. Никаких шарфов. Нужны цилиндр, бабочка, жилетка и цепочка от часов». Вы можете себе представить – за неделю полностью перестроить образ! В последний момент! Это я рассказываю о том, как иногда Римас поступает с актером.

В. Вдовиченков. Мне мой герой близок. Такой же безумец! На самом деле, мне понятны его мотивации. Лишь бы энергия бурлила, лишь бы что-то происходило! На этом он и держится.

– Чем, на ваш взгляд, отличается грузинская публика?

М. Суханов. Я не ставлю галочку, кто на что и как реагирует. Мне кажется, что общечеловеческие проблемы, которые есть в этом спектакле, затрагивают всех, и все реагируют почти одинаково. Всегда есть яркая реакция в зале, и связь с публикой – очень живая.

К. Долидзе. Вчера я гордилась нашей публикой. Ни один нюанс не был пропущен. Перед фестивалем представитель одного из московских театров, не буду называть, какого именно, спросил у меня,

будет ли спектакль сопровождаться субтитрами. Что? – ответила я. – Какие субтитры, вы что, с ума сошли? На спектакле наш зал, а там были люди разных поколений, доказал, что никакие субтитры нам не нужны. Публика реагировала на каждое слово, на каждый жест. Убедена, тбилисский зритель – один из лучших в мире.

– Случается, что зал не реагирует?

В. Вдовиченков. Случается. Но иногда непонятно, отчего зал замолчал – от того, что так плохо, или от того, что так тронут. Самой лучшей негласной оценкой считается, когда спектакль кончился – и пауза. А через десять секунд – овация.

К. Долидзе. Например, в Японии во время действия категорически невозможны какие-либо реакции. Там просто все молчат. Реагировать на спектакле не принято.

М. Суханов. И в Прибалтике не принято.

К. Долидзе. А мне нравится, когда публика реагирует. Помню, меня просто поразил колумбийский зритель, когда мы показывали «Дона Жуана» Михаила Туманишвили. Ни с чем не могу сравнить. Мы играли в зале на 2500 мест, и творилось что-то невероятное.

– Римас Владимирович, как-то раз вы назвали себя главнокомандующим в театре. Если вы – главнокомандующий, то кем себя ощущают артисты под вашим началом?

В. Вдовиченков. Контрактниками! У нас нет ни чинов, ни званий. Есть один генерал – Маковецкий.

– Мы знаем, что вы, Антон Александрович, руководите Федеральным центром поддержки гастрольной деятельности.

А. Прохоров. Мы очень молодая организация. Первая часть нашей работы – это организация гастролей на территории России. В этом году – более 400 спектаклей от Владивостока до Калининграда. Вторая часть – наша зарубежная программа, которая нам очень дорога. Театр – действительно то искусство, которое позволяет выстраивать отношения между людьми, минуя границы. Ситуация, когда русские актеры в Грузии играют спектакль литовского режиссера, поставленный по французской пьесе, – куда уж интернациональнее! В Грузии у нас есть два партнера, с которыми мы много работаем, – это Русский театр имени Грибоедова и фестиваль GIFT. Мы очень благодарны Кети, которая является вдохновителем этого международного общения. Готовы обсуждать сотрудничество и с грузинскими театрами.

К. Долидзе. То, что произошло между Россией и Грузией, – это наша общая трагедия. И мы отвечаем – нет, мы все равно будем вместе играть, общаться. GIFT – вне политики. И он всегда представляет самое лучшее. Случайные спектакли и случайные коллективы на GIFT никогда не приедут.

Д. Шостакович за письменным столом

ШОСТАКОВИЧ — ПУБЛИЦИСТ

■ Мария КИРАКОСОВА

Публицистика, которая всегда была важнейшей составной частью художественного наследия, в эпоху большевистского правления пришла к некоему «единовластию». На фоне угасания эпистолярного жанра и возрастания популярности мемуаров, интереса к дневниковым записям, выступления на страницах прессы стали главным способом общения автора с массовой аудиторией. Однако имели ли при этом место правдивость высказывания, доверительная искренность, непринужденно переходящая в исповедальность? Создавали такие выступления представления о творческой индивидуальности, авторском кредо? Бытовало мнение, что композитор Д. Шостакович, зачастую вынужденный выполнять официальные задания, попросту отписывался, и поэтому его печатным высказываниям не следует придавать значения. Но тут возникает вопрос: соответствуют ли статусу

документа литературные «откровения» тех художников, чья деятельность протекала в иных социальных условиях, где вторжение субъективных представлений, а порой даже элементов позы, рисовки не могло не искажать реальность. Вспомним «Мемуары» Берлиоза, «Летопись моей музыкальной жизни» Римского-Корсакова или «Дневники» Чайковского. Но здесь раскрывается и другая сторона. Как бы ни был пристрастен автор — искренне, или под вынужденным давлением, даже в самой субъективной интерпретации событий проступает истина. Именно так следует воспринимать печатные выступления Шостаковича.

Как же мог автор, отмеченный накануне своего двадцатипятилетия ярлыком формалиста, а в тридцать лет, в расцвете творческих сил и славы, беспощадно дискредитированный в статье «Сумбур вместо музыки», ударившей по его опере

«Леди Макбет Мценского уезда» (1936); затем — за «антинародные, формалистические искажения», навешенные в 1948 году пресловутым «Постановлением», после чего его уволили из консерватории, а музыку перестали исполнять, заслужить право на голос в прессе? О том, что испытывал при этом Дмитрий Дмитриевич, узнаем из воспоминаний Натальи Михоэлс. Когда трагически погиб ее великий отец, пришедший на панихиду композитор «очень тихо и отчетливо сказал: «Я ему завидую».

«Самозащита» началась с выступлений под «скоморошьей» маской поборника коммунистических идей, и этот маскарад длился до последних дней.

Вскоре после выхода «Постановления» состоялось общее собрание «формалистов» с задачей «призвать к покаянию». Прокофьев мудро ограничился письменным посланием, а Шо-

На I Международном конкурсе им. П.И. Чайковского

Шостакович решил пойти на заседание. Перед подходом к трибуне кто-то сунул ему в руку листок, шепча, что написанный текст нужно немедленно огласить. Впоследствии композитор признавался Марине Сабининой, что, читая этот «кем-то состряпанный гадкий глупый бред»... воспринимал себя «как последнее ничтожество, совершенно как паяц, петрушка, картонная кукла на веревочке». Приведу также фрагмент из письма к Соллертинскому после посещения заседания съезда стахановцев. «Речью Ворошилова я был пленен, но после прослушивания Сталина я совершенно потерял всякое чувство меры и кричал со всем залом «Ура», без конца аплодируя». Писатель Виктор Бейлис в своем эссе «Из рассказов о любви» считает это «признание» определяющим для стиливой словесности той «шутливой маски», которую надел на себя Шостакович.

Много лет спустя, на Конгрессе защитников мира в США Николай Набоков, брат знаменитого Владимира Набокова, писатель и композитор, пытаясь загнать Шостаковича в идеологический «капкан», спросил его: «Согласны ли Вы с постановлением партии и правительства о формализме в музыке?»: «Я всегда и полностью доверял партии», – последовал ответ.

Каждый, кто хорошо знаком с творчеством Шостаковича и «Поэмой без героя» Анны Ахматовой, не мог не поразиться пронизательности ключевой мысли секстины – эпилога: «А за мною, тайной сверкая,/ И, назвавши себя «Седьмая», / На неслышанный мчалась пир./ Притворившись нотной тетрадкой,/ Знаменитая ленинградка/ Возвращалась в родной эфир». Эти слова применимы не только к партитурам Шостаковича, но и ко всей его публицистике, невидимые «образующие» которой тайна и вынужденная мимикрия. Композитор не был склонен всерьез вводить в лабиринты своей творческой лаборатории; беседы на эту тему обычно велись

на уровне популярной журналистики. В плане сказанного цена брошенная однажды фраза: «Не хочу выдавать вексель». Более категорично высказался Дмитрий Дмитриевич, посвящая радиослушателей в замысел Двенадцатой симфонии: «Я должен сказать, что мне достаточно трудно говорить о своих сочинениях. Мне кажется, что все, что я хотел сказать, я уже сказал своим сочинением». Но следовал ли автор программе, которую он сообщил через интервью в эфире? «Революционный Петроград», «Разлив», «Аврора», «Заря человечества». Как проверить, эти ли образы вели композиторскую мысль? Иногда возникает чувство, будто Шостакович преднамеренно вводит не только читателей, но, прежде всего, критиков в заблуждение, в глубине души насмехаясь над ними. Какую идею должна была провозгласить «Леди Макбет Мценского уезда», эта чудом проскочившая через барьер цензуры опера, где позаимствованный у Лескова образ автор музыки представил как «луч света (!) в темном царстве? Насильственного убийства, террора? И, наконец, как следовало отнестись к замыслу о собирательном образе женщины «сегодняшнего и завтрашнего дня», базирующемся на таких моделях, как Лариса Рейснер или лучшая бетонщица

Сцена из оперы «Антиформалистический раек»

Днепростроя Женя Романько? Разве не предназначалось это сообщение только для газетной полосы?

Очень тонко реагирует Шостакович на критику, никогда не вступая в открытую полемику со своими хулителями. Стрелы в адрес «нападающих» порой скрываются в остроумных репликах, в неброских переосмыслениях деталей текста. Порой ожидаемые выпады отводятся ворохом заготовленных «впрок» контраргументов. В диалогах с «канонизированными» судьями их оппонент не выступает с гневными возражениями; создается видимость, что он оправдывается (еще один способ мимикрии!). Но это в прессе; в сочиняемой же музыке ведется яростная борьба против пагубных директив и идеологических установок. Она стала реакцией на постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций». К этому времени уже начал набирать силу введенный Горьким термин «социалистический реализм», однако «антиформалистической» кампании еще не было.

В том же году в театре им. Вахтангова начинающий режиссер Николай Акимов выбрал для дебюта шекспировского «Гамлета». Музыка для него предложили написать Шостаковичу, которого нападки прессы пока не коснулись. Спектакль принял облик фарса, едкого памфлета. В развернувшейся перед зрителем эксцентриаде Гамлет предстал как кутила и фехтовальщик, Офелия – соблазнительная красавица отнюдь не монашеского поведения. Режиссер таким путем намеревался увести зрителя от трагедии происходящего и даже дать ему возможность посмеяться. Акимов также был художником постановки, и его декорации раскрывали амбивалентность замысла.

Спектакль с беспощадностью расправлялся с пресмыкающимися перед правительственной верхушкой деятелями

«пролетарской» культуры. В их числе оказался пригретый партийным руководством композитор Александр Давиденко (многие читатели помнят обязательного для школьной программы его «Юного барабанщика»). Незадолго до начала работы над постановкой «Гамлета» на длительный срок вошла в моду песня этого композитора «Нас побить, побить хотели». Ее слова принадлежали прославленному головокружительной карьерой «знаменитому» царедворцу Демьяну Бедному (псевдоним Ефима Придворова), который в страшном для России 1918 году настолько вошел в доверие к «сильным мира сего», что получил квартиру в Большом Кремлевском дворце. Автор монархических виршей, разобравшись в требованиях времени, живо переметнулся в клан «пролетарские поэтов», стал любимцем Ленина, который в докладах начал цитировать его опусы, затем и Сталина. Преданность коммунистическим идеям достигла такого фанатизма, что новый «крошка Цахес» пожелал увидеть казнь Фанни Каплан как источник нового вдохновения. В сочиненной в содружестве с композитором Давиденко песне говорилось о том, как враги собрались победить воинов Красной армии, и как это им не удалось. Она вызвала ряд издевательских пародий Якова Ядова, Ильи Ильфа. Но эти пародии шли от поэтов, а Шостакович выразил свое отношение к происходящему через музыку к «Гамлету».

Воспоминания об этом сохранились в мемуарах «Укрощение искусств», автор Юрий Елагин, прекрасный музыкант и глубокий знаток художественной культуры. Он посещал все репетиции спектакля Акимова, познакомился с Дмитрием Дмитриевичем и стал очевидцем премьеры «Гамлета». Вот какое впечатление вынес он из первого представления: «Интересно, что в известной сцене с флейтой Шостакович зло высмеял и советскую власть, и группу про-

летарских композиторов, которые как раз в то время были на вершине своего могущества и причиняли немалое зло русской музыке и русским музыкантам. В этой сцене Гамлет прикладывал флейту к нижней части своей спины, а пикколо в оркестре с аккомпанементом контрабаса и барабана фальшиво и пронзительно играло известную советскую песню: «Нас побить, побить хотели».

Автор воспоминаний обращает внимание на музыку выхода в финале Фортинбраса, нормандского принца, которому умирающий Гамлет завещает трон. Рыцарь въезжает на сцену под звуки ликующего марша, и нетерпеливый конь, ломая копыта, везет седока в поле, где валяются отрубленные головы и тела повешенных (в своей декорации Акимов точно следует тексту Шекспира). Зловещий гротеск этой сцены провозвестник таких маршей, как тема нашествия из Седьмой симфонии или «Начеку» («В траншее он умрет») из Четырнадцатой симфонии.

Новой базой для продолжения воинствующей расправы Шостаковича с извращениями официальной идеологии стал «Раек» Мусоргского. Он направлен против слепой апологии Запада. «Ничего подобного

«Антиформалистический раек»

этой грозной сатире и карикатуре музыка еще сроду не представляла», – писал В.В.Стасов о «Райке». Мог бы знаменитый критик предположить, чем обернется сделавший заявку на продолжение традиции Мусоргского «Антиформалистический раек» Шостаковича, также с двойным авторством – музыки и слова.

Участники одночастного вокального цикла Мусоргского это «музыкальные удалцы», пребывающие в «райке»; так назывался ящик с передвижными картинками, который носили с собой бродячие артисты. Раешник-зазывала («Я сам», – предупреждает композитор), открывая «ящик», приглашает публику подивиться «на великих, на господ музыкальных воевод». Прав ли Мусоргский, когда среди высмеиваемых западников, помещает А.Серова, композитора и выдающегося музыковеда? Не думая о последствиях, автор жалит насмешкой и сестру императора, великую княгиню Елену Павловну (в «Райке» – Эвтерпа), а в частном письме к В.В.Никольскому опекаемую ею консерваторию называет «парник на Аленином скотном дворе» (остаётся удивляться лояльности цензуры). Однако все это прозвучало с таким блеском, с таким отточенным остроумием, что сами «осмеянные» хохотали до упаду.

«Антиформалистический раек» – уничтожающая сатира на «антинародное», «формалистическое» направление, ведущее к ликвидации музыки, «пародийное дублирование... партийного судилища над искусством» (Манашир Якубов). Этот опус был начат в мае 1948, через три месяца после выхода «Постановления», но об этом знали только ближайшие друзья автора – Исаак Гликман и Григорий Козинцев. Он прошел доработку в год «оттепели» (1957), однако запрет премьеры Тринадцатой симфонии (1962) сделал невозможным его исполнение, и работа продолжилась до 1968 года. Рукопись хранилась у музыковеда Льва Лебединского. Он передал эти ноты Растроповичу, стараниями которого в январе 1989

года произведение прозвучало в Вашингтоне, в концертном зале им. Кеннеди с текстом на английском, а 25 сентября, в день рождения композитора, исполнение прошло в Большом зале Московской консерватории.

Спектакль изображает заседание во Дворце культуры. Его участники выдающиеся партийные деятели, три оратора с загадочными фамилиями – И.О.Единицын, А.А.Двойкин, Д.Т.Тройкин. Инициалы перед фамилиями «рассекречивают их носителей, преступно знаменитых вершителей «Постановления» – Сталин, Жданов и Шепилов. Им «без лести предан» (из лексикона Аракчеева) руководитель и ведущий заседания; в восприятии артиста Ал. Мочалова, исполнителя всех ролей, данный персонаж «этакий волгарь», чем-то напоминающий Горького.

Предлагаю в сокращении некоторые положения из читаемых докладов. Первое слово принадлежит Единицыну. Уже при упоминании этого имени слушатели – музыкальные деятели и деятельницы (смешанный хор) – приходят в восторг: «Слава! Слава великому Единицыну! Слава!»

Единицын (читает по бумажке): «Товарищи! Реалистическую музыку пишут народные композиторы, а формалистическую музыку пишут антинародные композиторы... Задача, следовательно, заключается в том, чтобы народные композиторы развивали б музыку реалистическую, а антинародные композиторы прекратили бы свое более чем сомнительное экспериментирование в области музыки формалистической...»

Ведущий призывает очарованный хор слушателей поблагодарить «родного и любимого великого Единицына за историческую речь, за его выступление, обогащение и освещение важных вопросов музыкального дела.

С фразеологией и ритмикой текста доклада гротескно сочетаются задушевность и трогательный лиризм сопровождающей его мелодии «Сулико».

Следующее слово предоставляется музыковеду N2, товарищу Двойкину, «имеющему к тому же голос и возможность вокализовать».

Не секрет, что после разгрома в «Постановлении» Шостакович обратился в редакцию «Правды» с просьбой выдать ему текст выступления Жданова: «знакомство с этим замечательным докладом и его изучение может дать нам очень много в нашей работе!» И если Жданов мог бы ознакомиться с содержанием выступления Двойкина, то, по предположению музыковеда М. Якубова, явно обвинил бы ее автора в плагиате.

Двойкин появляется перед «слушателями» как «златоуст» (Жданов, не блиставший образованностью, при весьма «платоническом» отношении к музыке, имел репутацию искусного и остроумного оратора и знатока искусства). Требования к композиторам (красота и изящество!) звучат в мелодии салонного вальса с подобием

оперных рулад.

Двойкин (острит). «Товарищи! Своим выступлением я не имею в виду вносить диссонансы (смех) или атональность (смех) в те мысли, которые мы здесь слышали (несомненно, что специальные музыкальные термины здесь и далее подсказаны участием в фабрикации «постановления» музыковедов, имена которых уже «расшифрованы»). ... – «Музыка неэстетичная, негармоничная, неизящная, это бормашина, или музыкальная душегубка! (ха-ха-ха-ха!)» Упоминание о «душегубке», изобретении немецких нацистов, надо понимать как сравнение советских композиторов с гитлеровскими палачами. Еще одна рекомендация относится к лезгинке в кавказских операх (?), которая должна быть «лихой, известной и обязательно кавказской». Под всеобщие восклицания «Асса» заканчивает Двойкин свой доклад. «Вот подлинное научное выступление! Какой анализ, какая глубина!» – комментирует Ведущий.

Выступление Тройкина-Шепилова (так указано в либретто) это пик издевательства автора, вскрывающего невежество, безграмотность, отсутствие понятия о вкусе и, одновременно, бессмысленную жестокость тех, кто на гребне революции сумел проникнуть в «ранг» официальных «идеологов». «У нас усе должно быть как у классиков, – обращается Тройкин к публике. – Да! Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков, /вы музыкальны, изящны, стройны!/ Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков, /вы мелодичны, прекрасны, звучны!» (фамилия Римского-Корсакова произносилась на съезде с таким же ударением, что сильно позабавило Шостаковича – М.К.). Ценность их музыки в том, что она «задевает несколько струн», и это «правильно и верно», ибо наш человек «ОЧЕНЬ СЛОЖНЫЙ ОРГАНИЗМ» (последние слова, надо полагать, аллюзия на горьковского Сатина. – М.К.). Докладчик с большим трудом читает по бумажке перечень допускаемых жанров: «Симфонии, поэмы, квартеты, сонаты, сюиты, квинтеты». Музыка «поучительных назиданий» от любимой Сталиным «Камаринской» переключается на «Речную песенку» Хренникова. А далее разнузданная плясовая преобразуется в славословие «нужных» музыкальных жанров и «заветных» названий московских улиц: «Сюиты, сюитки, сонатки мои! Развеселые квартетики, кантатки мои! ... Эх, Неглинка, Дзержинка, Тишинка моя! Расхреновая поэмка, сюитка моя!» За кажущимся абсурдом – гневные обличения; их мишень – композиторы-предатели, добровольные марионетки в руках вершителей произвола. Это Тихон Хренников, неукротимый гонитель формалистов, и Иван Дзержинский. Бессмысленный набор слов ораторствующего Тройкина – аллегория на трагическую реальность. Какой смысл имеет, например, упоминание «Неглинки»? Манашир Якубов вспоминает остроумный анекдот о том, как Сталину предложили какую-нибудь из из-

вестных московских улиц переименовать в улицу Хренникова, на что вождь ответил: «Такая улица уже есть – Не-Глинка». Два других названия – Дзержинка, где находилась «Лубянка», внутренняя тюрьма НКВД, и «Тишинка», следственный изолятор органов безопасности «Матросская тишина», представляют игру слов вокруг фамилии Ивана Дзержинского, автора оперы «Тихий Дон», и имени Хренникова (Тихон, Тиша). В свое время Шостакович всячески поддерживал обласканного властями Дзержинского, способствовал введению песенной оперы в репертуар Кировского театра, но после «Постановления» автор уничтожил посвящение своей оперы Дмитрию Дмитриевичу. Спустя много времени Шостакович вдруг заявил о начале работы над оперой «Тихий Дон», которая должна явиться продолжением оперы Дзержинского, и, конечно, это была насмешка. Хренников же до конца дней был верен своим позициям. Когда после «постановления» его направили с визитом в Венгрию, из репертуара оперного театра исчез балет Бартока «Чудесный мандарин», в течение одной ночи полотна французских импрессионистов оказались в запасниках, а музыковед Дьерд Лигети, познакомивший студентов с Симфонией псалмов Стравинского, едва не лишился должности в консерватории. Последний скандальный инцидент в деятельности Хренникова, бессменного генерального секретаря, затем председателя правления Союза композиторов, стал известен как «хренниковская семерка». Так «подпольно» стала называться группа композиторов, которые подверглись жестокой критике на Шестом съезде (1979; среди них Эдисон Денисов, София Губайдулина, Вячеслав Артемьев). Провинность состояла в бесконтрольном введении авторских сочинений в программу фестиваля музыки в Кельне и Венеции. «Им ли представлять нашу страну!» – возмущался Хренников, запрещая трансляцию этих опусов.

Но вернемся к Тройкину. Его «сентенции», выйдя из рамок, устремляются к «высшей цели» – «усегда» быть начеку: «Бдительность всегда!

С Сергеем Прокофьевым

Во всем! Всюду бди! Никому не говори! Великий вождь нас всех учил, / и беспрестанно говорил: / «Смотрите здесь, смотрите там, / Пусть будет страшно всем врагам! / ... Ну, а если буржуазные идеи кто-нибудь воспримет надолго, / тех будем мы сажать, / И В ЛАГЕРЯ УСИЛЕННОГО РЕЖИМА ПОМЕЩАТЬ!» Здесь пародийное цитирование идет через оперетту «Корневильские колокола» Планкетта. Большую известность приобрела пикантная сцена из ее второго акта, где служанки кокетливо предлагают кавалерам полюбоваться своими «прелестями»: «Смотри здесь, смотри там, это нравится ли вам?» Популярный мотив этого хора Шостакович передал хору «деятелей и «деятельниц», которые начинают рыскать по сцене, всматриваться во все углы («то здесь, то там»), чтобы не прозевать прячущегося врага. Этот жуткий фарс завершается задорным канканом.

Коснемся еще одного персонажа. Это музыковед П.И.Опостылов (искаженная фамилия «Апостолов» с сохранением инициалов), прообраз критика, который всю жизнь преследовал Шостаковича разгромными рецензиями. Он проник в сюжет из предисловия, предпосланного «райку» при его переработке. Выясняется, что данный персонаж нашел предлагаемое сочинение в ящике с нечистотами, и при попытке обнаружить, согласно «вдохновляющим указаниям», новые опусы этого автора, потерял равновесие, упал в ящик и растворился в нечистотах. Однако действительность по-своему распорядилась жизнью этого подобию музыковеда. В 1969 г. была написана гениальная 14 симфония, задуманная как продолжение вокального цикла Мусоргского

Дмитрий Шостакович на аллее парка

«Песни и пляски смерти». Генеральная репетиция проходила в Малом зале Московской консерватории. Дирижировать должен был Р. Баршай. И вот перед началом части – «Ответ запорожских казаков турецкому султану» – Шостакович, обратившись к присутствующим, предупредил, что здесь не надо искать непосредственной связи со сквозной темой; музыка эта «протест против всего постыдного и омерзительного в нашей жизни». Зазвучали слова Гийома Апполинера с их убийственным сарказмом и неслыханным потоком оскорблений: «Ты преступней Варравы в сто раз, / с Вельзевулом живя по соседству. / В самых мерзких грехах ты погряз, / нечистотами вскормленный с детства». В середине исполнения кто-то покинул зал. Послышалось падение чего-то тяжелого, и кинувшиеся в фойе увидели на носилках человека, который закрывал лицо шляпой. Обширный инфаркт мгновенно унес жизнь этого злостного вершителя произвола.

В заключение приведу два почти взаимоисключающих высказывания о личности Шостаковича. «Хрупкий, ломкий... бесконечно непосредственный и чистый ребенок», – слова Мариэтты Шагинян. «Жесткий, едкий, чрезвычайно умный, сильный, деспотичный и не совсем добрый», – из письма Михаила Зощенко.

С М. Ростроповичем

Роберт Кондахсазов

«ТИФЛИС – ГОРОД ВЫСОКОЙ ДУХОВНОСТИ»

■ Медея АМИРХАНОВА

Недавно я получила роскошный подарок – книгу Иосифа Гришашвили «Литературная богема старого Тбилиси». До сих пор приходилось читать ее фрагменты, теперь наслаждаюсь преимуществом единоличного пользования. Можно читать неторопливо, подыскивая объяснения незнакомым, вышедшим из употребления словам, делая для себя заметки. Как жительница Тбилиси в четвертом поколении, считаю честью иметь эту книгу в своем доме.

Переиздана «Литературная богема...» по инициативе Маквалы Гонашвили, председателя Союза писателей Грузии и при финансовой поддержке Вазгена Мирзаханяна, предводителя епархии Армянской апостольской церкви в Грузии. Проиллюстрировал книгу выдающийся тбилисец, художник Роберт Кондахсазов, последние годы живший за пределами Грузии и сильно скучавший по родине. Но увидеть воплотившийся проект, оказалось, ему не суждено. Издание дополненное и исправленное – материал обработал, отредактировал и подготовил к печати Нодар Григорашвили. Выпустило книгу издательство «Мерани», отпечатали ее в типографии «Мцигнобари».

Зал культурно-просветительского центра «Ай-артун», где проходила презентация «Литературной богемы...» украсили картины Роберта Кондахсазова из частных коллекций (об организации выставки позаботилась Ирена Оганджанова, председатель Союза армянских художников Грузии). Удачно выбрали музыку для вечера – «Элегия» Арно Бабаджаняна (пианист Исай Абовян) и городские песни от юных дудукистов. Словом, атмосфера как нельзя лучше соответствовала событию. Колорит составили сами горожане – достойные и уважаемые представители Тбилиси, талантливые и неповторимые.

Маквала Гонашвили говорила о двух великих

тбилисцах – Гришашвили и Кондахсазове, о том, как родился проект.

– Вряд ли кто станет спорить, что Иосиф Гришашвили лелеял в душе особенную любовь к Тбилиси. И Роберт Кондахсазов горячо любил Тбилиси и его жителей. Два великих мастера, два творца признаются в своих чувствах к городу в этой книге, делятся с нами своей ностальгией. Я верю, что душа бессмертна. И Роберт, так ждавший выхода в свет этой книги, сейчас с нами и разделяет нашу радость. Думаю, никто бы не уловил и не передал настолько точно атмосферу, стиль этой благодатной, удивительной книги, как Кондахсазов.

«Литературная богема...» – книга о любви к людям. Гришашвили ласкает их своим словом. Поэтом и у нас сегодня вечер любви. Такие дни укрепляют будущее Грузии.

Как-то в Джавахети я увидела памятник Айосу и Картлосу. И пошутила на извечную тему: кто же из них родился первым? «Мы, грузины, часто спорим, кто из них появился раньше. Но я нашла ответ – они близнецы!»

Когда я обратилась к Вазгену Мирзаханяну с предложением издать «Литературную богему старого Тбилиси», он не стал долго размышлять, все решилось в тот же день. За что ему благодарна. В нынешнем году вышла книга на грузинском, а в следующем (предположительно весной) выпустят «Литературную богему...» на армянском языке, также с иллюстрациями Кондахсазова. Автор перевода на армянский – Грачья Байрамян, признанный профи своего дела. Ему принадлежат переводы 100 авторов, среди которых, как грузинские классики, так и современные писатели и поэты. Георгий Леонидзе, Реваз Инанишвили, Нодар Думбадзе, Гурам Панджикидзе, Реваз Мишвеладзе и другие.

Союз писателей Грузии решил передать премию

имени Иване Мачабели (за особый вклад в грузинскую литературу) Виктории Зининой, супруге Роберта Кондахсазова. Семью художника представляли на этом вечере его дочь Дина Кондахсазова и внучка.

– Безумно растрогана и благодарна всем, – говорила Дина Кондахсазова, вернувшаяся в родной город спустя 20 лет. – Вокруг этой книги происходят удивительные события. Текст Гришашвили привлекает к себе неординарных людей. Мое знакомство с Гришашвили (не первое, но подробное) произошло благодаря переводу на русский Нодара Тархнишвили, ныне покойного. Многие, кто не мог прочесть книгу на грузинском языке, в оригинале (к тому времени она считалась библиографической редкостью), узнавали автора благодаря переводу на русский.

Гиви Шахназари, поэт и переводчик:

– «Литературная богема старого Тбилиси» полюбилась читателям не только высокой художественностью. Она вызывает ностальгию по прошлой жизни, старому городу, которого уж нет. Исчез тот Тбилиси. Но мы не должны забывать, кто мы и откуда идем. Несмотря на тот ураган, называемый глобализацией, который может коснуться и малочисленных народов. Не должны терять традиций, которыми подпитывалась наша духовность. В старом Тбилиси людей связывали необыкновенные от-

ношения, все строилось на взаимоуважении и любви. Поистине уникальный город. Если бы не «Литературная богема...», сохранившая для нас ценные сведения, многое из прежней жизни стерлось бы бесследно. Как происходит обычно в жизни: наши дети и внуки не могут переживать из-за чего-то так же, как мы. Но мы обязаны рассказывать им, напоминать, что Тифлис отличала высокая духовность. В том городе витал аромат майского меда.

Однажды во время встречи в американском посольстве, где мне показалось, с нами говорили излишне менторским тоном, я заметил, что запад и восток – это два огромных легких, которые, однако, не смогут дышать без соединительной трубки. Кавказ – божественный маленький оазис

и он выполняет эту соединительную роль.

Пару глав я уже успела прочитать, наслаждаясь каждой строчкой. К примеру, о приданом. Мы сетуем, что современные мужчины меркантильны и ищут обеспеченных женщин. Так то издавна идет. Гришашвили приводит слова Н. Николадзе, обращенные к юношам: «Выбирая жену, больше смотрите на ее характер и мораль, нежели на приданое». Народная городская поэзия сохранила много стихов на эту тему, написанных альфонсами того времени. Так, в одном из них автор признается, что согласен на жену с любыми недостатками: будь она мясником, умей распускать руки, обладай змеиным жалом вместо языка. За деньги все стерпеть можно.

Моя дружба с семьей Кондахсазовых насчитывает десятилетия. Началась она знакомством с супругой художника, известной переводчицей Викторией Зининой. Она перевела книгу моих рассказов, художественное оформление которой выполнил Роберт. У меня есть еще одна книга, оформленная им. Я помню, с какой ответственностью, как бережно относился он к этой работе.

Он был человек чистой и открытой души, его личность, как и его картины, были самобытны, ни на кого не похожи. Ищущая натура всегда находила оригинальные формы и прекрасное содержание. Он был художником настроения, и что бы он ни предлагал, все было исполнено магического заряда, производило неизгладимое впечатление, которое навсегда остается с тобой.

Работал он постоянно, и постоянно – с увлечением, что только он не рисовал! У него были темы, которые он не уставал развивать и предлагать созерцающему все новые варианты. Он рисовал интерьеры, деревянные лестницы, которые, казалось, дышат, словно живые, что-то рассказывают о людях, по ним ступавшим, ступени невидимыми следами запечатлевшие звуки их шагов. Лестница неким образом жила в гармонии с фигурой, ненавязчиво вырисовывающейся где-то поодаль, например, с женщиной, задумчиво погруженной в себя и сжавшейся, словно воробушек, а глаза женщины выразительные, большие... Рисовал морские раковины разных форм, разных видов. Формы, гармонично сочетаясь с красками, как бы стремились отворить дверь в некий таинственный мир чувств и переживаний, ввести в глубинную суть, которую подлинный мастер может открыть во всем и дать свободу ее восприятия. Он рисовал замки всевозможного дизайнера, которые будто ждали кого-то, кто придет, своей рукой подберет к ним ключ и откроет, высвободит их из замкнутого мира.

Помню его крупные, спелые гранаты, живее настоящих, целые или чуть треснувшие от спелости, с проглядывающими из трещин поблескивающими, готовыми вылететь, зернами.

Рисовал портреты, которые свободно входили с тобой в контакт и предлагали дружбу. Эта дружба продолжалась до поры, пока память повторяла в воображении их образы. Многих и многих изображал он на своих полотнах. Но чаще всего моделью избирал супругу. Он находил для нее различные стилизованные решения, однако любое из них было отмечено его стабильной манерой письма, как бы разрешающей воспринять вдохновение прямым результатом его неиссякаемой любви.

Лали БРЕГВАДЗЕ-КАХИАНИ

Запечатлен процесс переноса приданого в дом жениха. Впереди идет музыкант с зурной, исполняющий свадебную мелодию, за ним мальчишка, несущий зеркало, далее юноши с подушками на головах, потом плывут мутаки, тазик для варенья, сундук с тысячей мелочей, шкаф, комод, замыкает шествие кровать, на которую накинута ковер со львами. В общем, зрелище с постановочными элементами, у которого есть зрители – соседи, знакомые и др.

У Гришашвили шедевральные портреты кинто и карачохели. Научимся различать эти два старотбилисских типажа. Карачохели – прямодушный, честный рыцарь. Кинто – хитроватый торговец, хохмач и зубоскал. У карачохели голос сладкий, проникновенный, у кинто – резкий и сухой. Первый с трепетным волнением обращается к возлюбленной. Второй не слишком учтив даже с членами семьи. Карачохели в знак дружбы готов выдернуть ресницу, кинто сомневается: «Если бы друг был чем-то хорошим, то и Бог бы его имел».

Карачохели после застолья направлялся в баню, его провожала зурна. Там накрывался стол, и произносились такие тосты. Позволю себе вольный перевод: «Да здравствует тот человек, который, скажем, сейчас пройдет перед нами, увидит что-то плохое, но пойдет и расскажет про нас только хорошее»; «Да продлит Бог век той луны, которая ясно сияет, указывает дорогу таким непутевым, как мы, и го-

Р. Кондахсазов. Таинство

Книга иллюстрирована миниатюрами, выполненными Робертом Кондахсазовым специально для нее в начале 70-х годов. Написанное в 1926-27 годах и опубликованное в том же 1927 году произведение впоследствии было как-то забыто в бурях и грозах эпохи и вправду грандиозных преобразований и впервые появилось на свет в великолепном русском переводе Нодара Тархнишвили, талантливого, но, увы, рано ушедшего литератора, поэта и переводчика, тогда, в конце 60-х литсотрудника журнала «Литературная Грузия», в котором и напечаталась «Богема». Как горды были все мы, что представили обширнейшей русскоязычной аудитории это, говоря сегодняшним языком, эксклюзивное произведение. И, конечно, особенно гордился и радовался переводчик, Нодар Тархнишвили – и я, поскольку именно мне, заведующей отделом прозы и поэзии принадлежала честь редактировать первую русскую публикацию «Богемы».

В 1977 году издательство «Мерани» издает «Литературную богему старого Тбилиси», но на плохой бумаге. Миниатюры Роберта Кондахсазова, этот шедевр книжной графики, художественного оформления книги, были отклонены по совершенно нелепой причине. На грузинском языке, книга выходила несколько раз в различных издательствах. Для читателя, а тем паче для любителей и ценителей тбилисской старины «Богема» представляет непреходящий интерес, и она всегда была библиографической редкостью.

Камилла Мариам КОРИНТЭЛИ

ворит: «Э, мудрег, здесь пройди – там овраг, не упади!» , «Господи, благослови того, кто ждет нас дома с зажженной свечой» (за здоровье членов семьи).

Принцип жизни карачохели: сегодня и заработал, и потратил. Он мог просадить недельную выручку в один миг, искренне удивляясь миллионщикам, что прячут деньги в сундук и готовы голодать от жадности.

До чего выносливым сердцем и могучими легкими обладали эти люди, если будучи хмельными, могли продолжать застолье в бане круглые сутки, изумляется Гришашвили. Кстати, раньше пребывание в бане не имело временных ограничений, заплатил и оставайся хоть до рассвета. Для крестьян, приезжавших в город, баня служила гостиницей. Два шаури за ночлег.

Женщинам отводились специальные банные дни. Причем визит в баню принято было скрывать от мужских глаз. Поэтому поднимались горожанки в самую рань, а возвращались под покровом ночи. В баню полагалось забирать белье и устраивать там стирку. Белье клали в узел (бохча).

За места в бане разгоралась нешуточная драка. С выдираньем волос и проклятиями до седьмого колена (мертвые в гробу переворачивались!). Не спешите поеживаться. Дамы так раз-

влекались. Клубов и концертных залов не существовало, на выставки, модные показы и другие мероприятия как мы с вами, они не ходили. Куда еще им деться? Да и мужья-то раньше построже были, страшали, чтоб ни шага в сторону.

Одна из общих женских бань называлась «тюремной». Из-за отсутствия условий: нигде более не встречалось такого бесправия, тесноты и грязи.

У арабов есть поговорка: «Хочешь говорить – иди в баню». Тифлиские женщины ходили в баню, чтобы вдоволь посплетничать, поточить лясы. «Слово – серебро, молчание – золото – чуждое им высказывание», – пишет Гришашвили.

Здесь же завтракали и обедали, напивались чаю. В коридоре стоял самовар. Женщины обнаженные, усевшиеся кругом у самовара, пьянели от чая. Их собственный ашуг – слепая Майя развлекала посетительниц песнями. Новые наряды и драгоценности надевались в баню. Словом, бани играли серьезную роль в социальной жизни Тифлиса.

Удивительная книга, в которую влюбляешься все больше и больше. Родное, знакомое и привычное открывается с новой стороны, и чувство к городу еще ярче и сильнее.

Ика Бокучава и Римас Туминас на открытии выставки

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

В октябре нынешнего года вспоминали Евгению Павловну Донцову. В галерее «IArt» была развернута обширная экспозиция эскизов декораций, костюмов, плакатов этого оригинального тбилисского художника, сценографа.

Небольшая справка. Евгения Павловна Донцова (1924-2005) родилась в Ростове-на-Дону. Сразу же по окончании Тбилисской академии художеств, где ее педагогами были Давид Какабадзе и Серго Кобуладзе, пришла в театр имени А.С.Грибоедова. В 1960 году Евгении Донцовой было присвоено звание заслуженного деятеля искусств Грузии. С 1964 года она главный художник театра. К чему бы ни обращалась в своем творчестве Евгения Павловна – будь то рисунок, акварель, литография, станковая композиция, ее произведения несли на себе печать таланта и высокого профессионализма. Ее декоративные работы способствовали созданию ярких, волнующих, эмоциональных спектаклей, среди которых – «Живой труп» Л.Толстого, «Собака на сене» Лопе де Вега, «Расточитель» Н.Лескова, «Жесткие игры» А.Арбузова, «По-

следние» М.Горького, «Закон вечности» Н.Думбадзе, «Измена» А.Сумбаташвили-Южина, «Дни Турбиных» М.Булгакова, «Сестры» Л.Разумовской...

«Е.Донцова всегда интересно и оригинально ищет, успешно находит. Создаваемый ею на сцене художественный мир, материально-предметная среда подтверждают абсолютную достоверность, декорации решены в неразрывном единстве человека и окружающего его материального мира, времени и пространства. Причем это не копирование, а скорее создание мира эмоционального воздействия и социальной ориентации», – пишет искусствовед И.Дзуцова.

Выставка, организованная галеристом и коллекционером Икой Бокучава – человеком ярким, интересным, преданным искусству, вызвала большой интерес общественности. На открытие пришли грибоедовцы во главе с директором театра Николаем Свентицим, пригласившим в галерею «IArt» знаменитых гостей – художественного руководителя московского театра имени Е.Б.Вахтангова, российского и литовского режиссера, лауреата Государственной

премии России и Национальной премии Литвы Римаса Туминаса и литовского сценографа, лауреата Национальной премии искусства и культуры Литвы Адомаса Яцовскиса. Их приезд в Тбилиси был связан с участием в международном фестивале искусств «Gift» имени М. Туманишвили: вахтанговцы показали спектакль «Ветер шумит в тополях» Ж.Сиблейраса.

– Ика, чем для вас привлекательно творческое наследие Евгении Донцовой?

– Она оформила около ста спектаклей! Из них свыше семидесяти – в театре Грибоедова. Работала в разных городах СССР. Некоторые из оформленных Донцовой спектаклей были отмечены призами. Как можно забыть это имя? Конечно, оно заслуживает нашего внимания и памяти. Ведь Донцова – это, прежде всего, высокая художественная культура. Ее эскиз костюма – это уже образ, потому что точно передает характер персонажа.

Когда я задумала организовать выставку Донцовой, то поняла, что работ у меня недостаточно. Среди экспонатов были принадлежащие мне эскизы, кое-что я нашла в магазинах, пришла в театр имени Грибоедова, где мне предоставили несколько афиш и эскиз декорации. Я собрала необходимую информацию о Донцовой, обратилась к коллекционеру Гиви Парасташвили, у которого оказался старый каталог с выставки Евгении Павловны. Однажды упомянула о том, чем занимаюсь, при талантливом молодом художнике и реставраторе Цотне Хубутия, который работал у меня в галерее. И выяснилось, что у него тоже есть немало работ Евгении Донцовой. Цотне из семьи художников, и, конечно, в такой среде не могли не оценить творчество этого мастера. Наступил следующий этап. Эскизы Донцовой необходимо было отреставрировать, поместить в рамы.

– Ика, по первой профессии вы математик. Как стали галеристом?

– Я в детстве хорошо училась, пела и рисовала. Но выбрала математику. Я просто была влюблена в свою профессию.

Окончила аспирантуру в Москве. Работала в Тбилисском государственном университете имени И.Джавахишвили. Никогда не думала, что смогу уйти от математики, не представляла себя на другом поприще. Конечно, в нашем доме были художественные альбомы, которые я постоянно пересматривала. Правда, в те годы я плохо знала грузинских художников – мои знания были преимущественно в области классики: что такое искусство, я знала по коллекциям Пушкинского музея, Третьяковской галереи, Эрмитажа. Что касается грузинских авторов, то у моего отца были товарищи – художники, архитекторы, они собирались у нас в доме. Но я не относилась к ним как к личностям, которые создают грузинское искусство. Просто это был определенный круг, и я даже не думала о том, что нужно собирать работы этих художников.

Когда в Грузии наступили тяжелые времена, мы с мужем уехали за границу. А по возвращении увидели, что страна начала понемногу оживать, стали открываться выставки современных художников. И я решила покупать их работы. Первые картины, которые я приобрела в 2000 году, принадлежали Мерабу Абрамишвили – «Благовещение» и «Пальма». Потом познакомилась с Шалвой Матуашвили, а он в свою очередь познакомил меня с Темо Мачавариани... Я стала не только ходить на выставки, но и посещать мастерские, подружилась со многими художниками. Между нами сложились теплые, близкие отношения.

Однажды познакомилась с директором художественной галереи «Копала», кинорежиссером Александром Рехвиашвили. Я не просто посещала его выставки – Саша охотно делился со мной своими знаниями, и я узнала от него много нового и интересного. Фактически мое образование – у меня нет диплома искусствоведа! – это результат посещения мастерских, где я слушала художников, раскрывающих суть многих явлений, происходящих в стране и в мире, в искусстве – не по книжкам! Многому научилась у коллекционера Гиви Парасташвили – кстати, по образованию он тоже математик

и всю жизнь проработал в ГПИ. У него огромные знания. Если спросить Гиви о какой-то картине, он сможет проследить ее судьбу, рассказать о том, как она могла попасть в те или иные руки. От него можно услышать миллион потрясающих историй! И я не ленилась их слушать, впитывала все, как губка. Когда я узнаю какое-то новое, незнакомое мне имя, то всегда расспрашиваю о нем художников и коллекционеров.

– Значит, то, что поначалу было увлечением, постепенно стало вашей профессией.

– Да, это так. И муж меня всегда поддерживал, видя, что я одержима идеей приобретения какой-то картины и что от своего намерения не могу отказаться. Бывало, картину, которая мне очень понравилась, по каким-то причинам я приобретала не сразу, но в конце концов она возвращалась ко мне...

Сложно было все приобретенные работы размещать у себя дома, ведь моя коллекция росла. К тому же для коллекционера самое большое удовольствие – поделиться своей радостью. Тебе хочется, чтобы твоей коллекцией наслаждались и другие. Знакомые художники удивлялись: почему не открываешь галерею?

– И вы открыли свою первую галерею в 2009 году...

– Сначала у меня было небольшое помещение на проспекте Давида Агмашенебели, в здании со старинным фасадом. Я попробовала сделать там галерею... и превратилась в галериста. Это произошло действительно в 2009 году, но сама идея родилась раньше – в 2005-м. Я очень осторожный человек, и меня долго останавливала мысль о том, что у меня нет специального образования. Я не считала себя готовой к тому, чтобы стать галеристом. Конечно, человек учится каждый день, и даже ветераны-искусствоведы ежедневно получают новые знания. В 2008-м я наконец осознала, что время пришло и я созрела для роли галериста.

Когда год спустя открывалась галерея «Fine Art» и мы только развешивали картины, мне помогали мои друзья-художники. Пришел даже Зураб Нижарадзе – огромная величина в искусстве! А еще пришли Темо Мачавариани, Леван Харанаули, Шалва Матуашвили, Мамука Цецхладзе. Состоялось несколько выставок. Я могу гордиться тем, что первая выставка абстракциониста Серго Чохоянца была организована именно мной. Я тогда провела огромную работу. Картины, хранившиеся в плохих условиях, нуждались в реставрации, их не-

Эскиз Евгении Донцовой

Сотрудники театра им. А.С. Грибоедова в галерее «IArt»

обходимо было подготовить к выставке. Это было очень тяжело! Кстати, часто приходится делать экспозицию буквально с нуля. Чтобы картины действительно засветились на выставке, нужно вложить в них много труда. Не преподнесенная должным образом работа не производит на зрителя ожидаемого впечатления. И этим приходится заниматься галерейщикам. При этом нужно так организовать экспозицию, чтобы работы, находящиеся рядом, гармонировали, дополняли друг друга. Мне этим интересно заниматься, никогда не надоедает.

Увы, галерея «Fine Art» прекратила существование. Я не могла продолжать свое дело: стесняли имеющиеся условия. Стала искать новые возможности для открытия галереи именно в районе проспекта Агмашенебели. Для меня было важно, чтобы архитектура здания, в котором будет находиться галерея, настраивала на определенный лад. Я родилась в доме на улице Камо, сейчас она носит имя Д.Узнадзе. Оказываясь в районе Сухого моста, все время смотрела на здания, выходящие на Куру, и завидовала их обитателям. И однажды заметила объявление о продаже старинного дома на этой улице. Когда увидела настоящий тбилисский двор, балкон, очень высокие двери, выглянула

в окно, откуда открывался потрясающий вид на Куру – все это связано с моими детскими воспоминаниями, то поняла, что лучшего места в городе я не найду! Все, по чему я могла испытывать ностальгию, было собрано в этом здании. Отремонтировать фасад, привести в порядок, реставрировать двери будущей галереи, восстановить ставни было очень трудно. На все это ушло полгода... Сейчас выставочное пространство галереи занимает четыре просторных зала.

У меня обширные планы. Хочу проводить здесь музыкальные и литературные вечера, презентации книг. У нас была договоренность с замечательным художником Джованни Вепхвадзе в месяц раз проводить вечера, посвященные искусству, встречи для тех, кто интересуется искусством. Джованни был ходячей энциклопедией, потомственным художником, вокруг него собирался избранный круг людей искусства, элита грузинской культуры. О каждом из них Джованни мог рассказать много любопытного. Но Джованни неожиданно ушел из жизни... Тем не менее мы не собираемся останавливаться и отказываться от нашей идеи.

Галерея «IArt» год. За это время у нас было организовано около 20 выставок как известных, так и молодых художников.

Хочу рассказать о том, как мы открывались. Я очень люблю старые тбилисские дворы, тбилисский интерьер и решила рождение нашей галереи приурочить к празднику Тбилисоба. Выставку я открыла своей коллекцией. Кроме того, мы воссоздали модель двора старого города. В этом приняли участие и соседи. Кто-то принес ковер, кто-то предложил столы, а кто-то – бочку... В интерьере старого двора, превратившегося в настоящее произведение искусства, прошел концерт с участием известных музыкантов. Выступил «Театральный квартет», «Форте», трио «Сими». Пригласили председателя сакребуло Гию Алибегашвили, представителей мэрии, которые пришли вместе с гостями города – капеллой из Саарбрюккена. Прослушав других исполнителей, гости так же выразили желание выйти к публике. Это был настоящий праздник. С шашлыком, чурчхелами и прочими вкусностями. На открытии были художники Зураб Нижарадзе, Темо Мачавариани, Темо Гоцадзе, Шалва Матушвили, Джованни Вепхвадзе. Это был праздник для грузинских художников, но не только для них! Неординарное, фантастическое по красоте событие получилось.

– Расскажите, пожалуйста, о ваших художественных предпочтениях.

– Обожаю графику. Живопись вызывает больше эмоций, но рисунок прежде всего определяет мое отношение к художнику.

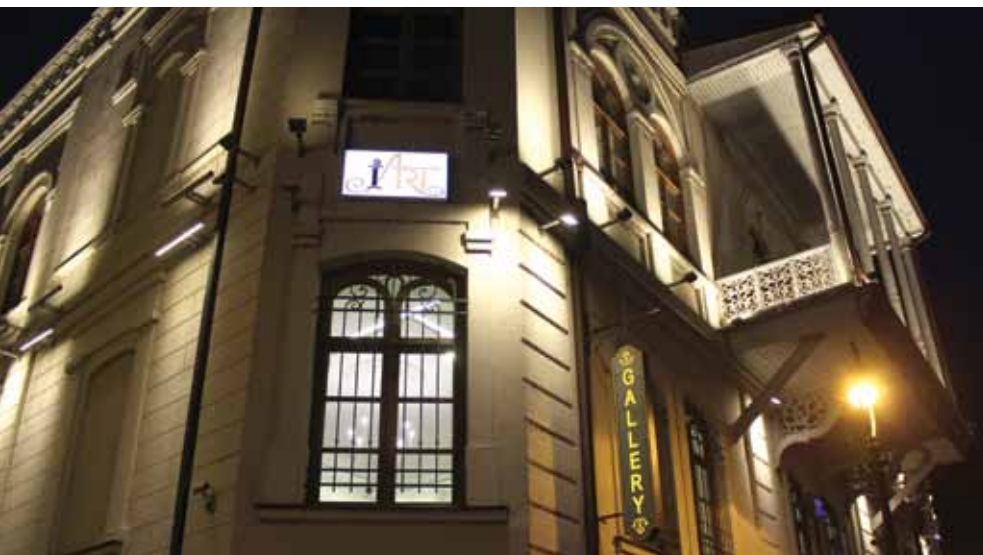
– Что происходит в современном грузинском изобразительном искусстве?

– Пик развития грузинского искусства пришелся на 70-80-е годы. Грузинская художественная школа и сегодня на самом деле довольно сильная. И то, что предлагают наши современные художники, не хуже, а подчас и лучше того, что существует в мире. Но чтобы на наших авторов обратили внимание за рубежом, надо их просто больше представлять. При нынешних возможно-

была разорвана в 90-е годы. Талантливые студенты, которые сегодня оканчивают академию, может быть, даже не представляют, на кого им нужно ориентироваться. Речь идет не о подражании или повторении – время сегодня другое, и работать нужно, конечно, иначе, по-новому. Но в первую очередь нужно владеть ремеслом, кистью и карандашом, уметь рисовать. В этом информационно перегруженном мире, конечно, все меньше и меньше времени для того, чтобы глубоко овладеть какими-то знаниями. Но без этого никак нельзя. Просто получить диплом художника, дизайнера – это одно. Но если у человека есть цель, если он об-

– Интерес оценить очень сложно. Многие грузинские художники трудятся за рубежом, и там они популярны больше, чем у себя на родине. Интерес к их работам действительно велик. С другой стороны Тбилиси – открытый город. Его часто посещают иностранцы, и они покупают картины. Правда, не всегда высокого уровня. Некоторые просто покупают работы, которые будут им потом напоминать Тбилиси. А те, кто действительно знают толк в искусстве, выбирают действительно яркие, оригинальные работы и авторов, отвечающих самым высоким запросам. Некоторые из них были уже успешно представлены на разных аукционах.

Хочу рассказать о своем проекте «Memory». Сегодня в галереях в основном выставляются работы, на которые коллекционеры уже обратили свое внимание. В то же время существует много авторов, затерявшихся в 90-х годах: их имена позабыты. Евгения Донцова – один из таких авторов. Это имя современники прекрасно знали, ценили. Евгения Павлова очень много сделала для Грибоедовского театра и вообще для грузинского искусства, культуры. Если бы не исторический слом, наверное, к этому имени было бы сегодня больше внимания, работы Донцовой чаще бы выставлялись... Как галерист я нашла выход – проект под названием «Memory». Конечно, это связано с затратами – каждый раз поднимать какое-то имя и организовывать выставку. Но идея того стоит. Это не так страшно, если уж ты решил посвятить этому свое время. Под рубрикой «Memory» в моей галерее прошли уже три выставки – Отара Сулава, Шалвы Мамисашвили и Евгении Донцовой. И мы намерены продолжать этот проект. Он получил поддержку художественных кругов и вызвал огромный интерес коллекционеров. Таких забытых имен достаточно много. С будущего года с нами будет сотрудничать мэрия. Хорошо бы выпускать ежегодный каталог – своего рода отчет о таких выставках, которые прошли в рамках проекта.

стях Интернета полную информацию нужно выносить на обсуждение публики. Но, конечно, и локальные выставки необходимы. Прежде всего для самих художников. Ежегодные выставки, проходившие некогда в Голубой галерее, включали работы как маститых, так и молодых художников. Представьте себе, какой это был стимул для начинающих авторов, насколько ответственно они относились к тому, что будут выставлены рядом со своими педагогами, опытными мастерами и, возможно, кумирами. Все готовились к осенней, весенней выставкам, и это было мотивацией для творческого роста. Равнение на высокий профессионализм, на более высокие стандарты признанных мастеров формировало следующее поколение. Преемственность между поколениями

ладает Божьим даром, то грех не учиться, не расти.

– Сейчас много возможностей овладеть знаниями – мир открыт для нас...

– Это так, но недостаток информации, как и чрезмерная информация – одинаково плохо. Потому что из всего огромного потока выбрать информацию, которая важна и нужна именно тебе, совсем не просто. В любом случае нужно ответственно относиться к своему творчеству и интеллектуально расти. Ведь умение сочетать цвета, вкус приходят вместе со знаниями. Настоящий вкус нужно все-таки воспитывать. И знания дают это.

– Интересуются ли грузинским искусством западные искусствоведы, коллекционеры?

На выставке в Парламентской публичной библиотеке им. И. Чавчавадзе

ВСЕ СЦЕНОГРАФЫ В ГОСТИ К НАМ

■ Нино ЦИТЛАНДЗЕ

Театральные художники из России, Азербайджана, Армении и Грузии впервые после многолетнего перерыва собрались в грузинской столице на Тбилисском биеннале сценографии. Организатором столь масштабного и нужного проекта выступил Союз молодых театральных художников им. В.Гуния и Грузинского центра OI STAT. Цель форума – создание условий для профессионального знакомства и общения молодых художников стран Южного Кавказа и России.

Главная выставка работ участников состоялась в актовом зале Парламентской публичной библиотеки им. И.Чавчавадзе.

О самом биеннале и положении дел в современной грузинской сценографии рассказала организатор и куратор биеннале от Грузии, исполнительный директор Союза молодых театральных художников им. В.Гуния и официальный представитель Грузинского центра OI STAT Нино Гуния-Кузнецова.

– **По какому принципу происходил отбор участников?**

– В проекте приняли участие молодые художники в возрасте до 35 лет включительно, имеющие профессиональное образование и опыт работы не менее трех лет в театре, кино, телевидении или мультимедиа. Каждый художник мог представить до пяти реализованных проектов, премьера которых состоялась в 2014-2016 годах, включая эскизы декораций, костюмов, макеты декораций, фотографии сцен из спектаклей, кадры из кинофильмов, шоу-программ, инсталляции и видеоинсталляции, костюмы и театральные куклы. В итоге в биеннале приняли участие 22 художника. Шесть участников от Грузии (Барбара Асламазишвили, Нино Кития, Кетеван Надибаидзе, Тамара Охикян, Серго Шивц и Георгий Устиашвили). Армению представляли молодые художницы Нелли Барсеган и Лилит Степанян. Из Азербайджана был главный художник Сумгаитского драматического театра Мустафа

Мустафаев. Наиболее широко была представлена российская делегация. Участники были не только из столицы, но и из различных регионов, как, например Алексей Амбаев из Бурятии, Кантемир Жиров из Нальчика. Московскую сценографическую школу представили Полина Бахтина, Ян Калнберзин, Илария Никоненко, Ютта Роттэ, Анастасия и Тимофей Рябушинские и Ирина Уколова. Было также много представителей северной столицы. Это питерские художники Елена Жукова, Марина Завьялова, Александр Зыбин и Оксана Столбинская.

– **Чем вызвана необходимость проведения столь масштабного профессионального смотра?**

– Предпосылок для формирования биеннале у нас было много. Во-первых, у грузинской сценографии большие традиции. И в 60-е, и в 70-е годы обмен происходил не только в рамках Советского Союза, но и на международных площадках. Грузин-

ские театральные художники были известны во всем мире и были активными участниками происходящих в мировой сценографии процессов. Т.е. это не было закрытое пространство, и художники не варились в своем соку. И именно то, что они были адекватны мировым тенденциям, неся в своем творчестве национальные грузинские корни, но при этом обобщенные в глобальном контексте, и создавало феномен грузинской сценографии поколения шестидесятников. Но, к сожалению, случилось так, что за последние тридцать лет, даже до распада Советского Союза, сценография как профессия в Грузии утратила свою былую престижность.

– **Что стало этому причиной?**

– Это было обусловлено многими факторами, в том числе и финансовыми. Как известно, сценография – самая бюджетная часть в постановке спектакля, для создания элементарной декорации необходимы хоть какие-то финансы, а их на тот момент не было. Второй фактор заключается в том, что даже если бедный театр мог хоть как-то существовать, у молодого поколения режиссеров, по всей видимости, не оказалось концептуального подхода к сценографии и к художнику-сце-

нографу, как к сотворцу спектакля. Фактически отношение к художникам стало исполнительски-прикладным, что послужило причиной ухода из профессии целой плеяды талантливых людей. Равно как и то, что оставшиеся в профессии стали механически, технически иллюстрировать спектакли. Я сейчас имею в виду молодое поколение художников, а не представителей старшего поколения. Те, можно сказать, исторически сложившиеся тандемы, как, например, в театре Руставели. Мы говорим о современных молодых художниках, которые пришли в сценографию в 2000-х годах. Вот эти две фундаментальные тенденции – финансовые проблемы и малая концептуальность сценографического задания обусловили то, что наша сценография не несет в себе тех больших поисков, когда режиссер и художник были почти равноправными сотворцами спектакля.

– **На первый план вышли проблемы творческого поиска.**

– Да. Самые лучшие представители грузинской сценографии мыслили очень самобытно, своеобразно и порой их сценографическое решение становилось ключом к постановке всего спектакля. Таких исканий у нас, к сожалению, сегодня нет.

Надо сказать, что это не только грузинская тенденция. При общей визуализации современной культуры большой процент эффективности спектакля заключается во всевозможных эффектах, трюках, технологических новшествах, при этом идейное и художественное видение сценографа, концептуальная часть спектакля ушла на задний план.

– **Вы возглавляете Союз молодых театральных художников им. В.Гуния. Что вы считаете своими главными достижениями?**

– Как вы понимаете, необходимость того, что профессию надо спасать, существует уже давно. Именно для этого и была создана наша организация. Мы изначально акцентировали внимание на молодых сценографах. Если учесть к тому же, что ни в СТД Грузии, ни Союзе художников секции сценографов больше не существует, наша задача заключается в том, чтобы создать культурное пространство, где возникнет здоровая конкуренция между художниками. Ведь по-другому – не расшевелить. Таким образом, наша задача, с одной стороны – приобщить молодых к современным веяниям, создать условия, когда молодые могут увидеть себя на международной арене. И второе – повысить собственный профессиональный уровень в более конкурентной и жесткой среде, когда действуют всевозможные творческие отборы. Мы пошли именно таким путем, и с 2003 года активно контактируем с Пражским квадриеннале. Уже в 2007 году мы сделали первый от имени независимой Грузии проект, где были представлены только студенты. На тот момент еще существовала кафедра сценографии в Университете театра и кино, которая впоследствии, к сожалению, закрылась. И надо сказать, что несмотря на скудность возможностей, наш павильон был определенным прорывом, и те профессионалы, которые знали цену грузинской сценографии, как отдельному творческому явлению, с радостью откликнулись на наше по-

явление, было очень интересное обсуждение.

– Затем последовали еще два Пражских квадриеннале.

– Да. В 2011 году мы тоже представили студенческий проект. Я говорю о том, что сделал наш союз, поскольку в Национальном павильоне в тот год прошла огромная персональная выставка Гоги Алекси-Месхишвили. На этот раз мы провели серьезный конкурсный отбор. Жюри было требовательным, мы отбирали студентов из трех вузов – Университета театра и кино, Академии художеств и Университета Ильи, это были как бакалавры, так и магистры. В итоге мы отобрали девять человек, это был павильон с единой художественной концепцией, но каждый участник был представлен собственным макетом и видеоартом. И я думаю, что павильон тоже получился успешным, пусть не в смысле наград, но в смысле презентаций, многоплановости наших участников. А уже в 2015 году мы сделали большой национальный пави-

льон под названием «Голос женщины». Мы отобрали двенадцать женщин-сценографов. Перед отбором мы провели исследование и выяснилось, что в Грузии в определенном возрастном промежутке, а это те, кто пришел в сценографию в 80-е годы и позже, процентное число женщин необычайно высоко. Это напрямую связано с тем, что в определенном смысле женщины взяли на себя труд быть комфортным партнером режиссера, что не всегда, как видимо, удавалось мужчинам-сценографам, которые в большинстве случаев ушли из профессии. Но выяснилось также, что это общемировой процесс, хотя у нас гендерный дисбаланс радикален. Именно поэтому мы решили показать панораму сегодняшнего грузинского театра через призму женской сценографии. И надо сказать, мы смогли быть вполне адекватными, честными и даже эффектными. Павильон был создан по принципу показа спектаклей, т.е. мы показали видеоклипы всех постановок, которые оформили участницы в двенадцати разных театрах, а через них уже – макеты, эскизы и т.д. Тем самым мы показали реальный срез театральной жизни Грузии, как центральных тбилисских театров, так и региональных.

– И вот настало время реализовать большой проект и дома, не так ли?

– Мы прошли путь в 15 лет. И пришла пора сделать важный проект у нас, на нашей площадке. Так возникла идея провести в Тбилиси биеннале сценографии. Этот международный проект позволил, с одной стороны, участникам посмотреть друг на друга и увидеть себя со стороны, свой профессиональный рост или наоборот. И с другой стороны, публика, интересующаяся театром и искусством вообще, смогла увидеть и оценить тенденции, визуальные образы, существующие в современной сценографии.

– Биеннале организовано совместно с Кабинетом сце-

нографии Союза театральных деятелей России и Российского центра OISTAT.

– Этого форума наверно, не получилось бы, если бы не огромная поддержка российской стороны. Я в особенности хочу отметить роль куратора российской делегации – заведующей кабинетом сценографии СТД РФ и исполнительного секретаря OISTAT России Инны Мирзоян. Я благодарна всем российским участникам, которые максимально выложились как в плане презентации, так и в образовательном блоке. Очень насыщенные и информативные лекции провели доцент кафедры русского театра Российского института истории искусства и Российского государственного института сценических искусств Любовь Овэс на тему «Сценографическая погода. Какова она?» и художник-постановщик, дважды лауреат премии «Золотая Маска» Елена Степанова «Театральный костюм. Личный опыт художника».

– И все-таки, подводя итоги Тбилисского биеннале сценографии, вышел ли первый блин комом?

– Однозначно нет. В итоге у нас получилась большая ретроспективная выставка. Отдельную благодарность хочу выразить Парламентской публичной библиотеке и ее директору Георгию Кекелидзе. В красивом зале библиотеки получилось достойно представить всех молодых участников. Задачей грузинской стороны было создать площадку, на которой как грузинские художники, так и наши гости смогли максимально себя проявить. Это очень нужно. Ведь биеннале это не только смотр работ, созданных за определенный промежуток времени, но и возможность непосредственного общения, передачи информации, опыта, эмоций и идей. Поэтому, учитывая все плюсы и минусы первого биеннале, мы уже начинаем готовиться к следующему, который пройдет в 2018 году.

В ТБИЛИСИ ПРОШЕЛ ФЕСТИВАЛЬ СЫРА

В день фестиваля на площади Роз расположились шатры, а в них царили традиционные грузинские сыры – сулугуни, имеретинский, гуда, тушинский, кобийский, копченый сыр, козий сыр, чечил, чанах, тенили, калти – и экзотические сыры, выдержанные в меде и вине, и изготовленные по европейским рецептам – пармезан, моцарелла, манчего, гауда и другие. Дополняли многообразие сыров разные виды грузинского вина и меда.

История производства сыра в Грузии насчитывает много тысяч лет: в одном из музеев хранится посуда для сыра, которой около 28 веков. Ученые предполагают, что изготовлена она была тогда, когда производство сыра в Грузии довольно твердо стояло на ногах. На сегодняшний день в стране официально зарегистрированы 14 видов сыра. Однако специалисты возродили и древние рецепты – это сыры, выдержанные в меде, в чаче, в вине и многие другие.

Полакомиться сыром пришли и высокие чины. Среди них мэр Тбилиси Давид Нармания, который отметил, что в Грузии еще не было столь масштабного сырного фестиваля.

Соб. инф.

Сергей Параджанов

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКАЯ ДРАГОЦЕННОСТЬ

■ Теймураз АБАШИДЗЕ

На протяжении своей, теперь уже можно сказать, долгой и довольно разнообразной жизни, я общался со множеством людей необычных, нестандартных, интересных. Были умные, очень умные, даже мудрые, одних помню смутно, сумеречно, другие действенны, энергичны, кого-то вспоминаю с улыбкой, кому-то удивляюсь, одних сохраняю в сердце, других в уме, про кого-то хочется рассказать.

Сергей Параджанов... Это настолько своеобразная, нестандартная личность, настолько выделяем, обособлен, творчески неожиданен, что необходимо сделать хотя бы набросок, рассказать несколько эпизодов о нем.

Параджанов никогда не имел никаких личных творческих контактов ни с театрами, в которых я работал, ни с театральным институтом, в котором я преподавал, но был настолько значимой фигурой тбилисской творческой общественности, что обойтись без рассказа о нем невозможно. Его родной племянник Георгий Параджанов учился в моей актерской группе, которую готовили для театра имени А.С. Грибоедова, это нас очень сблизило, подружилось, обосновало наши встречи с Серго Параджановым.

Однажды Сережа полушутя, полусерьезно сказал мне: «Пока живу, мне нужны деньги, а не слава. Вот после смерти, когда деньги уже не нужны, слава не помешает». Теперь уже точно можно утверждать, что он прожил свою жизнь запланированно, эффектно и, что гораздо важнее, эффективно. Я встречался с ним не так уж часто и не так уж долго, всего несколько лет, но в памяти сохранилось очень много интересных наблюдений, воспоминаний. Сохранились сувениры – среди них огромный медный самовар, как он уверял «старинный», а, по-моему, просто «старый», который он принес мне в театр в старой сетке-авоське и оставил на проходной, сохранилась его фотография в огромнейшей черной рамке, причем само фото маленькое-маленькое, томик из собрания сочинений Лермонтова с поэмой «Ашик Кериб», с лентой – закладкой из его фильма «Саят-Нова», старинный образец от печи в сшитом его рукави футляре и т.д.

Параджанов жил странной жизнью, но эта жизнь очень ему «подходила». Если бы Сергей снял множество успешных фильмов, то растерял бы этот ореол «странности», «необычности», «необыкновенности»,

потому что суть его человеческого, творческого дарования – полное, категорическое отсутствие и отрицание всяческих штампов, что и рождало творческую уникальность, создавало эту «параджановщину», составленную из наипричудлившей смеси практицизма и беспредельной, неповторимой фантазии.

Жил он неподалеку от меня на Мтацминде, в интереснейшем тифлисском доме, иногда я водил к нему приезжих иностранцев, москвичей, прибалтов – Серго на всех производил неотразимое, шоковое впечатление. Это был человек поразительной энергии, невероятных умений, изобретательности; он никогда не оставался один, никогда не испытывал скуку и всегда был занят, он постоянно что-то делал, изготавливал коллажи, что-то строгал, что-то шил, с кем-то совещался или шушукался, но это никогда не смотрелось, не выглядело как работа, труд, занятость, но – как забава, игра, развлечение.

Его «спальня», в которой, кстати, он никогда не спал, целиком и полностью была обклеена портретами Ленина и Сталина, ни одного свободного сантиметра, миллиметра, все заполнено, декорировано, завешено – и

стены, и потолок, а посреди этого живописного «великолепия», в самом центре комнаты, стояла железная «койка», покрытая суконкой. Когда я спросил: «Где ты достал такое количество портретов?», он ответил: «Что-то купил, что-то подарили, что-то нашел на свалке, что-то украл».

Его племянник Гарик Параджанов, который перед смертью Серго поехал навестить его в ереванской больнице, рассказал: «Когда я зашел в палату и увидел умирающего Сержика, то, чтобы скрыть слезы, решил пошутить, сыграть врача, доктора. Спросил: «Какой у вас стул, больной?» И тут же навалился на шутку: «Как только

ность, талант, который тбилисцы называют «оплеухой бога».

Жаль, что он не успел снять автобиографический фильм «Исповедь о Тбилиси», о себе. Очень жаль, это большая потеря и для грузинского, и для мирового кино!

Вспоминаю эпизод. Был день рождения большой грузинской художницы – живописца Элички Ахвледиани, собралось много гостей, было шумно, весело. Сержик пришел поздно, все были «заняты», никто на него особенного внимания не обратил. Интересно, подумал я, что он предпримет?.. Смотрю, Параджанов ведет маленькую девочку, лет 5-6, всю

Это и есть талант, способность видеть то, что никто не замечает.

Как-то, очень давно, в театральный институт пришел расстроенный, недоумевающий начинающий режиссер из Ленинграда. «Я, говорит, хотел снимать дипломный фильм о Камо Петросяне и, естествен-

Кадр из фильма «Тени забытых предков»

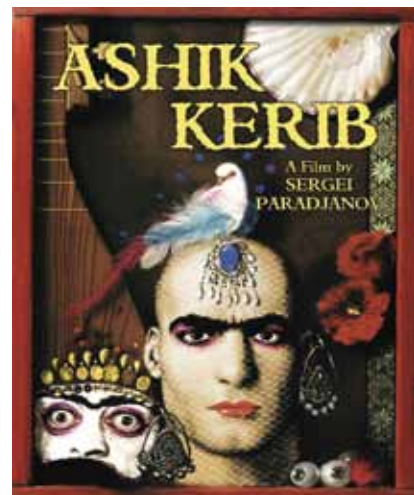
тебя увидел, сразу все нормализовалось, сразу с...ть захотелось».

Как жаль, что многие из его планов не осуществились, многие сценарии так и не были запущены в производство, но все, что он сделал, снял, – это кинематографическая ценность, более того – драгоценность.

Параджанов создал уникальное кино, в его фильмах действие как бы заморожено, загипнотизированно, переходы замедленны, затянuty, все будто покрыто вуалью, полускрыто, и из этого сумрака появляются картины невероятной красоты, как миражи, как сновидения. Это какая-то особая, неповторимая, удивительная одарен-

ность, талант, который тбилисцы называют «оплеухой бога». Жаль, что он не успел снять автобиографический фильм «Исповедь о Тбилиси», о себе. Очень жаль, это большая потеря и для грузинского, и для мирового кино! Вспоминаю эпизод. Был день рождения большой грузинской художницы – живописца Элички Ахвледиани, собралось много гостей, было шумно, весело. Сержик пришел поздно, все были «заняты», никто на него особенного внимания не обратил. Интересно, подумал я, что он предпримет?.. Смотрю, Параджанов ведет маленькую девочку, лет 5-6, всю

в белоснежных кружевах, со всей квартиры собирает букеты, корзины, вазы, располагает среди этих цветов «кружевную» девочку, вручает ей огромный, снятый со стены портрет юбиляра, ставит ее у закрытой двери, приводит Юрия Мечитова, который фотографирует. Все гости в восторге, юбилярша тоже восторженно наблюдает за сценой, которая заканчивается полным и неоспоримым триумфом Серго Параджанова. Когда восторги утихли, я тихо спросил: «Слушай, а почему перед дверью, почему не на балконе, не на фоне картин?!» Он ответил: «Потому что на этой двери настоящая старинная, медная ручка».

Софико Чиаурели в фильме «Саят Нова»

но, собирать материал об армяне, поехал с этой целью в Ереван, а там мне говорят: а он тбилисский. Я спрашиваю: «Он что грузин?!» – «Нет, отвечают, армянин, но – тбилисский армянин; вот Сергей Параджанов тоже – настоящий «тбилисский армянин»!»

Известный киновед Кора Церетели написала о нем так: «Сергей был ярчайшим воплощением редкого психологического типа, которому игра была необходима как биологическая функция. Свой Мир игры, Мир «инобытия» он сотворил в противовес реальному, несовершенному, сумбурному, обыденному».

Джованни Вепхвадзе

ВЫСТАВКА БЕЗ ХУДОЖНИКА

В Музее истории Тбилиси «Карвасла» прошла ретроспективная выставка картин известного грузинского живописца и писателя Джованни Вепхвадзе. Как всегда, здесь были друзья, коллеги, почитатели таланта. Были все, кроме самого Джованни. Сердце художника в третьем поколении, тбилисца с большой буквы остановилось в мае этого года.

Поскольку очередь на проведение выставки в одном из главных выставочных залов Тбилиси – «Карвасла» составляется за год вперед, когда пришла очередь Джованни Вепхвадзе, семья решила – выставке быть.

На экспозиции представлены работы, созданные художником в разные годы – это портреты, пейзажи, исторические сюжеты, а также серии картин с видами Тбилиси и городов Италии. А также впервые были выставлены картины, созданные в последний год жизни художника. Это, в основном, натюрморты и виды родного города.

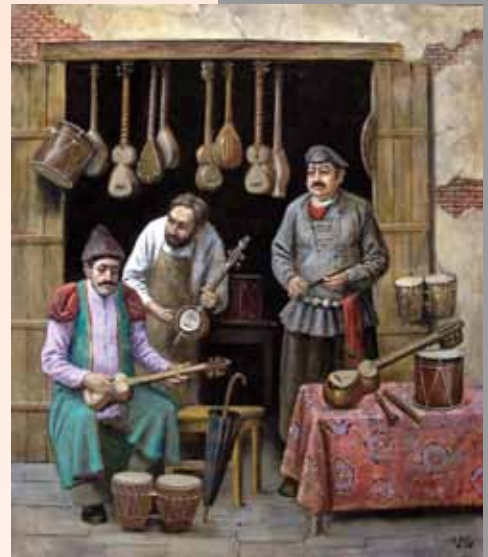
«Джованни Вепхвадзе был представителем поколения 70-х годов творческой мастерской Союзной художественной академии и Тбилисской художественной академии имени Кутателадзе. Его воображаемый мир и техника работы отличается самобытностью и артистическим характером, которые являлись основой личности художника», – говорится в сообщении музея.

Джованни Вепхвадзе родился 13 марта 1949 года в семье Заслуженного художника СССР Алексея Вепхвадзе, сына художника Ивана Вепхвадзе. В 1967 году Джованни поступил в Тбилисскую Академию художеств на факультет живописи. Принимал активное участие в республиканских, всесоюзных и международных выставках. Работы художника представлены в музеях и частных коллекциях Грузии, Казахстана, России, Армении, Азербайджана, Италии, Великобритании, Турции, США, Греции, Китая, Индии, Израиля, Литвы, Польши и Украины.

Соб. инф.

Бруно Вепхвадзе и Гиви Тоидзе на открытии выставки

Виргиния Каламкрян

Музыка соединяет сердца

■ Гулбат ТОРАДЗЕ

В концертном зале Союза композиторов Грузии прошел интересный и содержательный музыкальный вечер-концерт, который провела Виргиния (Вика) Каламкрян – известная тбилисская пианистка и педагог, вот уже 10 лет живущая и работающая в г. Бостоне (США).

Виргиния (Вика) Каламкрян – с отличием окончила Тбилисскую консерваторию по классу профессора Тенгиза Амирэджиби и была оставлена на струнной кафедре в качестве концертмейстера в классе профессора Георгия Барнабишвили.

Работала педагогом в Тбилиском первом музыкальном училище по классу специального фортепиано. А позже – в течение многих лет в Музыкально-педагогическом институте в качестве педагога по классу фортепиано. Ее ученики нынче работают не только в Тбилиси, но и за рубежом – Израиле, Германии, США. Концертмейстер высшей категории Виргиния Каламкрян работала солисткой Грузинской филармонии, регулярно выступала с сольными и ансамблевыми концертами в Тбилиси, Ереване, Баку, Каире, Дамаске, Кувейте, Варшаве и Праге. Многие годы играла с известными музыкантами Ираклием Мачабели, Михаилом Хоштария и Эльдаром Исакадзе.

Как лучший педагог года была награждена дипломами за участие в Закавказском конкурсе музыкантов-исполнителей.

В настоящее время в Бостоне (США) В.Каламкрян сотрудничает со скрипачами и

виолончелистами на фестивалях, концертах, конкурсах, выступает с сольными концертами.

Программа концерта в родном городе была насыщенной и содержательной. Исполнялись замечательные образцы классической и романтической музыки. Пианистка продемонстрировала профессиональное мастерство, высокий класс фортепианных интерпретаций.

В первом отделении концерта была исполнена весьма сложная по своему художественному содержанию, форме и технической фактуре «Большая соната» (фа-минор) Шумана, состоящая из четырех частей. Наиболее богата по содержанию первая часть с ее сменами контрастных настроений. Безудержно стремителен и насыщен финал.

В.Каламкрян прекрасно справилась с большими художественными и техническими трудностями сонаты Шумана, как и произведений Брамса (4 интермеццо ор. 117, 118 и Каприччио ор. 116).

Во втором отделении концерта превосходно были исполнены известнейшая соната N12 К. 333 фа-мажор великого Моцарта и три ноктурна (ор. 15 N2, ор. 27 N1, ор. 62 N2), великого Шопена.

Восторгу переполненного зала не было конца. В ответ на долгие и признательные аплодисменты сверх программы был исполнен «Полонез» Шопена. Такие концерты запоминаются надолго и, конечно же, наше большое желание еще не раз увидеть и услышать прекрасного музыканта – пианистку Виргинию Каламкрян.

Гайоз Жордания

ПРОЩАЙТЕ, ГАЙОЗ ВУКОЛОВИЧ!

Ушел из жизни народный артист Грузии, профессор Гайоз (Гизо) Вуколович Жордания, один из лучших представителей отечественной режиссуры и театральной педагогики, ученик Лили Иоселиани и Василия Кушиташвили.

Те, кто близко знал Гайоз Жордания, с трудом мог поверить в случившееся. Энергичный, жизнелюбивый, полный творческих замыслов, наделенный невероятным чувством юмора, обладающий иронией и самоиронией, он был никак не соотносим со смертью. Невзирая на свои 82 года...

До самых последних дней Гайоз Вуколович продолжал служить театру, был включен в активный творческий процесс. У него, как говорят, «горел глаз»: Жордания был молод душой, открыт всему новому и интересному, не боялся брать за смелые эксперименты. Зрителям запомнились его последние постановки на сцене Тбилисского театра им. К. Марджанишвили.

Русская классика на грузинской сцене – не частое явление. Тем интереснее было увидеть и оценить «Ревизора» Н. Гоголя и «Хаджи-Мурата» по Л. Толстому в трактовке этого мастера. Многие моменты, затронутые в этих спектаклях Гизо Жордания, прозвучали современно и остро.

В «Ревизоре» царит атмосфера тотального блефа – это театр в театре! Все стараются надуть друг друга, все – аферисты. Начиная от Городничего и заканчивая унтер-офицерской вдовой. Хотя при этом симпатичные, не лишённые обаяния люди. Но – устои общества, закон выживания в «крысином» мире диктует именно такой стиль поведения: ты не обманешь – тебя обманут. И все включены в некую авантюрную игру...

Неожиданным было обращение режиссера к «Хаджи-Мурату» – истории легендарного участника войны кавказских горцев против Российской империи. Гизо Жордания предложил свою, оригинальную интерпретацию великой повести, актуализировав ее проблематику.

Интерес Гизо Жордания к русской классике не случаен: с 1980 по 1987 г. он возглавлял Тбилисский русский театр им. А.С. Грибоедова. В одном из интервью он говорит о том, каким видит совре-

менный театр: «Что сегодня определяет жизнь нашего театра? В первую очередь, конечно, морально-нравственная проблематика, ярко выраженная гражданственность. Именно это определяет сегодня все наши поиски как в области драматургии, так и в области постановочных вопросов. Мой девиз таков: идея и форма в тесном, неразрывном единстве, яркая театральность, приподнятость. Как говорил Маяковский, театр – это увеличительное стекло, а Марджанишвили считал, что театр – это праздник. Театр должен нести свет, темперамент больших страстей».

С приходом Гизо Жордания в театр имени А. С. Грибоедова в репертуаре остались лучшие спектакли его предшественника Александра Товстоногова, но, разумеется, появились и новые названия. В одном из первых интервью Гайоз Вуколович Жордания четко формулирует свое творческое кредо: «Пьесы с острой, общественно важной тематикой, отражающие черты нашего времени, откровенно полемичные, определяют лицо театра. В своей репертуарной политике мы исходим из задачи пробудить в зрителях активность мысли, взволновать их остротой поставленных проблем, пробудить чувство равнодушия к жестокости, мещанству...» И еще: «Гражданская позиция – главное в театре. Искусство должно смело, принципиально говорить о тех «болячках», которые дают о себе знать в нашей жизни». Причем это может осуществляться не только с помощью современной драматургии, но и через классические произведения, решенные сценическими средствами с позиций гражданственности.

Этому кредо Гизо Жордания следовал всю свою творческую жизнь.

Среди лучших спектаклей, поставленных Гизо Жордания на сцене театра Грибоедова: «Закон вечности» по Н.Думбадзе, «Сестры» и «Дорогая Елена Сергеевна» Л.Разумовской и др.

Гайоз Вуколович интересно работал и на драматической, и на оперной сценах. Большим успехом пользовались и его спектакли, поставленные со студентами. Многие помнят замечательные работы мастера на малой сцене театра им. Ш.Руставели с участием его талантливых воспитанников.

Одной из последних постановок Гизо Жордания был спектакль «Белая сирень», в котором отражена история его семьи, сестры.

Вот что говорил по этому поводу режиссер: «Тридцать шестой год... Когда отца арестовали, сестру усыновили дядя и тетя. Обратился к этой теме, потому что существует страх: а вдруг подобное повторится? Хотелось показать, что значит страх в авторитарном государстве, что значит произвол. А ведь это может повториться, разве нет? Мои родители были честными людьми, которые испытывали страх. Мать – химик, отец – врач. Их обоих арестовали, когда мне было три года, и некоторые детали я запомнил... Иногда меня спрашивают: «Вы удовлетворены тем, как сложилась ваша жизнь?» Допустим, я скажу, что не удовлетворен, что это изменит? Когда я вспоминаю свою жизнь, то понимаю, что она была очень не простой. Но мне было смешно от многих вещей. И это спасало. Да. Много в жизни страшно..., но и смешно».

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ი შ ი ვ ი ლ ი

**ВОЛОГДА.
КРЕМЛЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ**

